

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ХВОРОСТИН Денис Владимирович

**СКРЫТЫЕ КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
ПРИНЦИП ВЫЯВЛЕНИЯ**

10.02.19 — теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л. А. Шкатова

Челябинск — 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИмPLICITное содержание высказывания как предмет исследования	8
1.1. Логико-философские концепции имPLICITного в речи	10
1.2. Осмысление имPLICITного в рамках философии обыденного языка	15
1.3. ИмPLICITное в речи как предмет исследования теории речевого воздействия.....	23
1.4. Рассмотрение имPLICITного в собственно лингвистическом аспекте.....	32
Выводы по первой главе	45
ГЛАВА 2. Принцип восполнения неявной информации	47
2.1. Сущность номинации	47
2.2. Полиситуативность содержательной стороны высказывания	67
2.3. Характер противопоставленности явной и скрытых ситуаций в содержательной стороне высказывания	73
2.3.1. Лингвистическое выражение категории времени.....	73
2.3.2. Отражение в языке категории пространства	83
2.4. Принцип выявления скрытых компонентов смысла высказывания	90
Выводы по второй главе	92
ГЛАВА 3. Опыт анализа текста на основе принципа восполнения неявной информации	93
3.1. Языковое проявление в тексте категории существования	93
3.2. Лингвистическое выражение категории времени в тексте	102
3.3. Отражение в тексте категории пространства.....	108
3.4. Верификация (логика вопросительных высказываний)	111
Выводы по третьей главе	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
Список использованной литературы	124
Список сокращений	145
Условные обозначения	145

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена исследованию механизма восстановления скрытых компонентов смысла высказывания. Природа языка и процесс коммуникации, следовательно, представляют собой диалектическое единство, и описание одного обязательно требует учета другого, однако организация знаний и способы их представления в языке стали объектом лингвистического исследования лишь относительно недавно.

Понимание того, что взаимосвязанность объектов и явлений действительности находит отражение во взаимосвязанности представлений о мире и в тезаурусе конкретного языка, явилось одной из причин усиления интереса лингвистов к проблеме скрытых компонентов смысла, или имплицитного в речи. Стало очевидным, что наибольшую сложность в описании речевой деятельности представляет то, что простая сумма значений отдельных элементов словесной коммуникации не исчерпывает доставляемой ими информации.

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве исследований скрытых компонентов смысла устанавливается лишь наиболее вероятный подтекст отдельного высказывания или ограниченного ряда высказываний. Более того, скрытые компоненты смысла до сих пор не изучались вне условий конкретной речевой ситуации, хотя многое указывало на необходимость именно такой постановки вопроса.

Актуальность исследования обусловлена назревшей необходимостью в переходе от анализа разрозненных языковых фактов к комплексному исследованию имплицитного в речи, что позволит не только объединить и унифицировать знания, накопленные в различных областях, но и смоделировать процесс восстановления скрытых компонентов смысла.

Целью исследования является определение принципа выявления скрытых компонентов смысла, лежащего в основе механизма интерпретации высказывания на естественном языке.

Для достижения этой цели решались следующие **задачи**:

- 1) анализ существующих подходов к изучению имплицитного в речи (в рамках лингвистики, а также философии, логики, психологии и т. д.), обобщение представлений об изучаемом явлении, выявление и определение концептуальной значимости тенденций в его исследовании;
- 2) определение и разграничение отдельных понятий и категорий (пресуппозиция, импликация, импликатура, имплицитность);
- 3) построение на основе анализа языкового материала теоретической модели, отражающей механизм интерпретации высказывания на естественном языке;
- 4) апробация предложенной модели на конкретном языковом материале, определение возможных путей ее расширения.

Объектом исследования являются неявные компоненты смысла высказывания.

Предмет исследования — процесс восстановления слушающим неявной информации вне ситуативной и жанровой отнесенности.

Материалом исследования послужили фрагменты текстов различной протяженности, стилей и жанров.

В работе использовались как общенаучные (описание, интерпретация текста, моделирование), так и частные лингвистические (компонентный анализ, функциональный анализ, контент-анализ, пропозициональный анализ структуры текста, формально-трансформационные процедуры выявления и идентификации элементов бинарной оппозиции, элементы анализа по непосредственно составляющим, метод вычеркивания) **приемы и методы**.

В ходе исследования автор опирался на достижения отечественного и зарубежного языкознания:

— языковой процесс как процесс познания, язык как механизм познания, различение языкового и внеязыкового сознания (Н. Д. Арутюнова, В. фон Гумбольдт, Т. А. ван Дейк, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, Г. П. Мельников, А. А. Потебня, Ю. А. Сорокин и др.);

— объективность объекта изучения («воспринимаемость», «осязаемость», «материальность» знака) (Г. П. Мельников, Е. В. Сидоров, В. М. Солнцев, Е. Ф. Тарасов и др.);

— предикативность как особое обобщающее свойство предложения (А. С. Бархударов, В. В. Виноградов, В. А. Курдюмов, А. А. Леонтьев, А. М. Пешковский, А. И. Смирницкий, А. М. Шахнарович и др.);

— лексические, морфологические и др. значения как производные от значений предикативных синтаксических единиц (Л. Блумфилд, Э. Кассирер, В. А. Курдюмов, Е. Курилович, Дж. Лайонз, И. Н. Мещанинов, З. С. Харрис, Ч. Ф. Хоккет и др.);

— наличие в любом высказывании неявной информации, не сводимой к сумме значений входящих в синтаксическую конструкцию компонентов (И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, К. А. Долинин, Л. А. Исаева, Г. В. Колшанский, М. В. Никитин, Л. В. Щерба и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Смысл высказывания не сводим к сумме значений составляющих его компонентов; он представляет собой гештальт, первичный по отношению к значению.

2. Содержательная сторона высказывания (смысл) не ограничивается фрагментом действительности, а отражает представление говорящего о действительности в целом, которое может быть вербализованным или имплицитным.

3. Восстанавливая скрытые компоненты смысла высказывания, слушающий исходит из того, что фрагменты действительности, представленные в содержательной стороне высказывания имплицитно, противопоставлены вербализованной ситуации. Принцип выявления скрытых компонентов смысла высказывания заключается в построении высказываний, антонимичных данному, благодаря чему восполняется недостающая информация.

4. Лингвистический принцип выявления скрытых компонентов смысла заключается в рассмотрении взаимосвязи компонентов изолированного высказывания в рамках формального анализа предложения.

Научная новизна исследования заключается в том, что процесс восстановления слушающим скрытой информации впервые описывается вне отнесенности к действительности, вне ситуативной и жанровой отнесенности; в том, что впервые показаны сущностные характеристики имплицитного в речи, взаимная обусловленность имплицитного в речи и языковой системы.

Результаты исследования могут быть полезны для теории коммуникации, лингвокультурологии, психолингвистики и ряда других перспективных направлений в современной лингвистике, что определяет его **теоретическую значимость**.

Практическая значимость. Основные положения работы могут быть использованы при разработке теоретических (теоретическая грамматика, стилистика и др.) и практических (юрислингвистика, связи с общественностью и др.) курсов, а также в практике редактирования текстов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в опубликованных работах. Ряд выводов научного исследования обсуждались в докладах на международных научных конференциях: «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2003 г.), «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск, 2005 г.), «Речевая агрессия в современной культуре» (Челябинск, 2005 г.), «Языки профессиональной коммуникации» (Челябинск, 2005 г.), на Всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Ростов-на-Дону, 2005 г.); «Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика» (Челябинск, 2006 г.), на научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Молодежь в культуре и науке XXI века» (Челябинск, 2004 г.), на заседаниях кафедры и Вузовской академической лаборатории межкультурной коммуникации.

Структура диссертации соответствует содержанию решаемых исследовательских задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе («ИмPLICITное содержание высказывания как предмет исследования») рассматриваются теоретические предпосылки единой концепции имPLICITного в речи и ее исходные положения. Вторая глава («Принцип восполнения неявной информации») посвящена моделированию процесса объективации неявных компонентов смысла и несет основную содержательную нагрузку. Результаты апробации теоретической модели на конкретном языковом материале приводятся в третьей главе («Опыт анализа текста на основе принципа восполнения неявной информации»).

Основные результаты исследования изложены в 8 публикациях.

ГЛАВА 1. Имплицитное содержание высказывания как предмет исследования

Замечено, что коммуникативная функция языка проявляется не только в эксплицитно представленной информации, но и через посредство неявно выраженной, имплицитной информации. Имплицитным при этом можно назвать такое изображение, которое не имеет самостоятельных средств выражения, но извлекается из эксплицитного смысла. Так, В. Х. Багдасарян подчеркивает единство и взаимосвязанность эксплицитного и имплицитного в философском смысле: «Имплицитное выражается и постигается адресатом на основе эксплицитного и в этом смысле зависит от него. Но, с другой стороны, если бы не существовало имплицитное, было бы бессмысленным ставить вопрос о существовании эксплицитного» [Багдасарян 1983: 7]. К. А. Долинин называет имплицитным содержанием высказывания «содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [Долинин 1983: 37].

Значение предложения еще не есть смысл высказывания: «мы извлекаем (понимаем) из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [Звегинцев 1976: 206]. Однако планомерное изучение данного явления начинается только с конца XIX века. Начало изучения имплицитного в речи было положено статьей С. О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929), хотя отдельные фрагменты, касающиеся имплицитного в речи, легко отыскать во многих лингвистических трудах. Так, Л. В. Щерба отмечал, что кроме правил синтаксиса существуют правила сложения смыслов, которые дают «не сумму смыслов, а новые смыслы, правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» [Щерба 1974: 24]. Взаимная неоднозначность соответствия плана выражения и плана содержания отмечалась также в работах

Ш. Балли, М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова, Л. С. Выготского, А. А. Потебни и ряда других ученых. Тем не менее, до середины XX века работы в данном направлении не имели продолжения.

Среди публикаций, в которых проблеме имплицитного уделено достаточно серьезное внимание, стоит отметить следующие: Арутюнова 1973, 1976; Багдасарян 1983; Беллерт 1978; Вимер 2000; Волошинов 1930; Гак 1979; Гальперин 2005; Дементьев 2000, 2001, 2002; Зализняк 2004; Киселев 2001, 2003; Кобозева 1988; Никитин 1988; Падучева 1996 и др. Между тем, исследований, охватывающих проблему во всей ее полноте или хотя бы намечающих синтез различных аспектов, до сих пор мало. К ним относятся, в первую очередь, Долинин 1983, 1985; Звегинцев 1976; Лисоченко 1992; Нефедова 2001; Тарасов 1979; коллективная монография «Имплицитность в языке и речи» 1999; Ducrot 1969, 1972; Fillmore 1971; Todorov 1982.

В. Н. Волошинов, рассматривая влияние «внесловесной» части высказывания на словесную, приводит в качестве иллюстрации следующий текст:

«Человек с седенькой бородкой, сидевший за столом, после минуты молчания произнес: м-да! Юноша, стоявший перед ним, густо покраснел, повернулся и ушел», —

и приходит к выводу, что мы решительно ничего не поймем в этом «разговоре», «как бы мы ни изучали его со всех грамматических точек зрения, как бы мы ни разыскивали в словарях все возможные значения этого слова» [Волошинов 1930: 75]. Однако «разговор этот на самом деле полон смысла, словесная часть его обладает вполне определенным значением, и он является вполне законченным хотя и кратким диалогом: первой репликой служит словесное “м-да”, вторую реплику заменяет органическая реакция собеседника (краска на лице) и его жест (молчаливый уход)» [там же]. Истоки непонимания В. Н. Волошинов видит в том, что «нам неизвестна вторая, внесловесная часть высказывания, определившая смысл его первой части, словесной. Мы не знаем,

во-первых, *где и когда* происходит событие этой беседы, во-вторых, не знаем *предмета* разговора, и, наконец, в-третьих, не знаем *отношения* обоих собеседников к этому предмету, их взаимной *оценки* его» [там же: 75-76].

Если же в поле нашего зрения вошли все скрытые, но подразумеваемые говорящими, стороны высказывания (событие развертывается у столика экзаменатора; экзаменуемый не ответил ни на один из вопросов; экзаменатор укоризненно и с сожалением произносит «*м-да*»; провалившемуся экзаменуемому стыдно, и он уходит), то ничего не значившее ранее высказывание «*м-да*» приобретает вполне определенное значение. При желании, пишет далее В. Н. Волошинов, оно может быть представлено в виде законченной фразы («*Плохо, плохо, товарищ! как это ни печально, придется все-таки поставить вам неудовлетворительно*») [там же: 76].

Подразумеваемые стороны внесловесной части высказывания: *пространство* и *время* события высказывания, *предмет* высказывания и *отношение* говорящих к происходящему — В. Н. Волошинов определяет как *ситуацию*. «Именно различие ситуаций определяет и различие смыслов одного и того же словесного выражения. Словесное выражение — высказывание — при этом не только пассивно отражает ситуацию. Нет, оно является ее *разрешением*, становится ее *оценивающим итогом*, и в то же время необходимым условием ее дальнейшего идеологического *развития*» [там же].

Следует отметить, что на становление собственно лингвистической концепции имплицитного повлияло осмысление этого феномена в рамках других научных дисциплин, прежде всего философии.

1.1. Логико-философские концепции имплицитного в речи

В конце XIX — начале XX вв. объектом пристального внимания логиков стало значение предложения. Так, Г. Фреге обратил внимание на необходимость различать в семантике высказывания то, что в нем утверждается, и то, что составляет предпосылку суждения.

Мысль Фреге заключается в следующем. Суждение «*Кеплер умер в нищете*» основывается на предпосылке, что имя «Кеплер» обозначает некоторый денотат. Эта предпосылка, однако, не входит в смысл высказывания. То, что имя «Кеплер» обозначает нечто, образует предпосылку как для утверждения «*Кеплер умер в нищете*», так и для отрицания этого факта. Позднее к дихотомии сообщаемого и предпосылок сообщения обратился П. Стросон при обсуждении логического значения предложения «*Король Франции мудр*».

В теории дескрипций Б. Рассела содержание подобных предложений представлялось как конъюнкция трех пропозиций: 1) имеется король Франции, 2) есть только один король Франции, 3) нет никого, кто был бы королем Франции и не был бы мудр. Поскольку первая из названных пропозиций ложна, все высказывание считалось ложным. Приведенный анализ вызвал возражение со стороны П. Стросона, указавшего на особый тип импликации одного предложения другим. Утверждение о том, что король Франции мудр, в некотором, специфическом смысле имплицитно факт его существования. Импликация этого типа не эквивалентна логическому следованию. Ее своеобразие обнаруживается в том, что отрицательная реплика «*Но ведь во Франции нет короля!*» не является прямой контрадикцией стимулировавшего ее сообщения. Она скорее служит напоминанием о том, что вопрос об истинности или ложности подобного утверждения вообще не встает, так как должна быть отвергнута его предпосылка. Особый вид импликации, на который ссылается П. Стросон, позднее стало принято называть пресуппозицией.

В лингвофилософской литературе понятие пресуппозиции первоначально трактовалось в семантических терминах: «Суждение Р называют семантической пресуппозицией суждения S, если и из истинности, и из ложности S следует, что Р истинно, т. е. если ложность Р означает, что S не является ни истинным, ни ложным» [Падучева 1996: 234]. Отметим также, что проблема пресуппозиций обсуждалась здесь, во-первых, в связи с установлением истинностного значения предложений, и, во-вторых, при

разграничении разных типов логических отношений между предложениями [Арутюнова 1973: 84].

Значительные усилия логико-лингвистической мысли были направлены на отличие пресуппозиции от логического следования и импликации. Отношения логического следования характеризуются тем, что истинность или ложность одной пропозиции обуславливает истинность или ложность другой пропозиции. Из предложения *«Все сыновья Джека моряки»* следует, что *«младший сын Джека моряк»*, а из предложения *«Ложно то, что сыновья Джека моряки»* логически следует *‘Ложно то, что младший сын Джека моряк’*. Введение же отрицания в высказывание *«Все сыновья Джека моряки»* не требует аналогичной операции с пресуппозицией *«У Джека есть сыновья»* [Арутюнова 1973: 85; Падучева 1996: 234].

Пресуппозиция, напротив, противостоит коммуникативно-релевантному содержанию высказывания. Она входит в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников, как их «предварительный договор». Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от сообщаемого, является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение. Пресуппозиция как бы соотносится с местоимением «мы» и временем, предшествующим сообщению, утверждаемое коррелирует с местоимением «я» и моментом речи [Арутюнова 1973: 85].

Дж. Катц и П. Постал применили понятие пресуппозиции к описанию вопросов. Пресуппозицию вопроса составляют те условия, которые адресат принимает как данное. Задавая вопрос *«Кто видел Павла?»*, спрашивающий исходит из предпосылки, что кто-то видел Павла. Позднее Э. Кинэн предложил следующее формальное определение пресуппозицией вопроса: предложение S составляет пресуппозицию вопроса Q, если S есть логическое следствие всех возможных ответов на Q. Так, предложение *«Кто-то опоздал»* является пресуппозицией вопроса *«Кто опоздал?»*, будучи логическим следствием всех

возможных ответов на соответствующий вопрос (ср.: *Петр опоздал; несколько студентов опоздало; мои друзья опоздали* и т. п.).

Особо стоит отметить, что механический перенос философского термина «импликация» в сферу лингвистики привел к возникновению некоторой терминологической путаницы: относящиеся к различным понятийным сферам термины «импликация» и «имплицитность» в лингвистике стали употребляться взаимозаменяемо. Так, в «*Словаре лингвистических терминов*» О. С. Ахмановой «импликация» определяется как ‘подразумевание’. Между тем, строго говоря, импликация есть *логическая операция*, которой в естественном языке соответствует связка «если... то...», тогда как имплицитность — *языковая категория*: отсутствие явно выраженных компонентов плана выражения, соотносимых с некоторыми компонентами плана содержания высказывания.

Разграничение в семантике предложения коммуникативно-значимых и коммуникативно-нерелевантных признаков очень существенно для понимания семантической структуры сложных предложений. Теория сложных предложений, как известно, постоянно привлекала к себе внимание ученых логико-философского направления. А. Бейкер разработал и уточнил идеи Г. Фреге о том, что содержание некоторых типов придаточных, например, придаточных времени, не входит в утверждаемое, составляя для него лишь необходимую предпосылку. Он показал, в частности, что различие между сочинением и подчинением может быть сформулировано с опорой на понятие пресуппозиции: в то время как каждая часть сложносочиненного предложения содержит некоторое утверждение, в сложноподчиненном предложении лишь одна часть утверждает нечто, а другая составляет пресуппозицию этого утверждения. Указанное различие обнаруживает себя в вопросительных коррелятах сложных предложений. К утверждаемому может относиться либо только содержание главного предложения, либо только содержание придаточной части, либо содержание придаточного и отношение между ним и главным предложением, либо только отношения между главной и придаточной

частями (как, например, в нереальном условном периоде). Таким образом, Бейкер проводит классификацию сложных предложений в зависимости от того, как распределено их содержание между утверждаемым и пресуппозициями.

В концепции Дж. Лакоффа под пресуппозицией понимается представление говорящих о логической, или, лучше сказать, естественной, связи между событиями. Так, сообщение *«Сейчас июль, но идет снег»* оправдано только в случае, если говорящий исходит из того, что в июле не должно быть снега... Следовательно, некоторые предложения правильны только относительно определенных пресуппозиций.

А. Бейкер классифицирует сложные предложения в соответствии с тем, как распределено их содержание между утверждаемым и пресуппозициями. Содержание некоторых типов придаточных, например, придаточных времени, согласно его концепции, не входит в утверждаемое, составляя для него лишь необходимую предпосылку. Неоднородность коммуникативного содержания субстантивных (субъектных и объектных) придаточных показали П. и К. Кипарские. Эти разряды зависимых предложений могут обозначать либо то, что говорящий принимает как пресуппозицию, либо то, что непосредственно утверждается или отрицается в данном высказывании. В предложении *«Странно, что сейчас идет дождь»* придаточное может быть охарактеризовано как «фактивное», т. е. обозначающее факт. Суть подобных предложений заключена в их главной (модальной) части. К ней относится общий вопрос (*«Разве странно, что идет дождь?»*). Она подвергается отрицанию (*«Нисколько не странно, что идет дождь»*). Напротив, в предложении *«Похоже на то, что идет дождь»* придаточное должно быть квалифицировано как «нефактивное». На этот раз сообщаемое заключено в придаточной части, диктуме. Для таких предложений характерна подвижность места отрицания: *«Я не думаю, что идет дождь»* = *«Я думаю, что дождя нет»*.

Несмотря на успехи этого направления, описание имплицитного в речи было осложнено тем, что в рамках двузначной логики понятие семантической

пресуппозиции лишается смысла, поскольку суждение может быть либо истинно, либо ложно, а предложение с ложной пресуппозицией имеет *третье* истинностное значение. Логический подход к трактовке пресуппозиции требовал от исследователей отказа от двузначной логики, что в итоге обусловило стремление представителей формальной семантики вывести понятие пресуппозиции за рамки семантики и дать ему трактовку в прагматических терминах.

Вслед за представителями данного направления, мы понимаем под *пресуппозицией* предпосылку для высказывания, подразумевание существования тех объектов действительности, о которых говорится в высказывании.

В настоящее время использование в языке логических фигур, их выражение в языковых построениях является предметом внимания как в логике — на материале разных логических фигур, так и в лингвистике — на материале разных языковых единиц, среди которых наибольшее внимание уделяется сверхфразовому единству, или тексту (Г. В. Дорофеев, Л. М. Ермолаева, Г. Я. Солганик и др.), а также предложению (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков).

1.2. Осмысление имплицитного в рамках философии обыденного языка

Дальнейшему осмыслению имплицитного в речи способствовало развитие прагматики: «в поле зрения лингвистов попали действия участников общения, которые не сводятся к простому опознаванию языковых знаков. Выяснилось, что содержание сообщения получается также и в результате дополнительных усилий слушающего» [Имплицитность... 1999: 7].

В отличие от логиков, представители «философии обыденного языка» (Г. Райл, Дж. Остин, Дж. Уисдом, П. Стросон) обозначали термином «пресуппозиция» те ситуативные условия, которым должно удовлетворять реальное высказывание. Так, предложение «*Открой дверь!*» может быть

употреблено только в ситуации, в которой имеется закрытая дверь. Тем самым произошел сдвиг объекта исследования в сферу взаимодействия языка и культуры.

Если логический (семантический) подход к пресуппозициям элиминировал говорящего, сведя пресуппозицию к определенному виду отношений между предложениями, то при прагматическом подходе определение пресуппозиции строится уже не на базе понятия истинности, а через обращение к понятию уместности предложения в данном контексте. Языковое выражение *S* имеет прагматическую пресуппозицию *P*, если говорящий (который хочет использовать *S* корректно) считает, что *P* истинно, но не является главным предметом его внимания; а слушатель либо знает, что *P*, либо, узнав о *P* впервые, не сочтет его для себя особенно удивительным или интересным. В рамках этого подхода предложение с ложной пресуппозицией рассматривается как семантически аномальное, пустое (Дж. Остин) или образующее «истинностный пробел» (У. Куайн) [Арутюнова 1973: 85; Падучева 1996: 235].

Разработанное в логике учение о суждении и умозаключении может быть использовано в истолковании того этапа речевой деятельности, который связан с мыслительными операциями как необходимыми предпосылками общения. Для объяснения логического статуса языковых единиц, выражающих имплицитную информацию, первоочередное значение имеет учение о суждении и об операции логического вывода. С помощью аппарата формальной логики в лингвистике наиболее полно исследованы имплицитивные отношения, или импликация. «Импликацией в логике принято называть условное высказывание, т. е. логическую операцию, связывающую два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке в значительной мере соответствует союз «если... то...». Имплицитивные отношения определяются как логическая связь, отражаемая в языке союзом «если... то...» и формализуемая как $A \rightarrow B$, т. е. если *A*, то *B*, или *A* влечет за собой *B*, или *B* следует из *A*. В таком понимании имплицитивные отношения

используются при исследовании языковых фактов и отношений. При этом различается так называемая универсальная импликация и ослабленная импликация, синтетическое, установленное опытным путем или предполагаемое знаниями о мире, и аналитическое, опирающееся только на логическую формулу, следование. Вместе с тем отмечена недостаточность разработки вопроса о категории логического следования в применении к анализу языка.

Импликативные отношения между высказываниями существуют в системе таких отношений, как конъюнкция, дизъюнкция, эквивалентность, контражность и др. Для использования понятия об импликативных отношениях в анализе языковых фактов важно признание того, что импликация, конъюнкция суть типы отношений в логике высказывания, а не в логике вообще. Импликативные отношения могут быть сравниваемы с отношениями между коммуникативными блоками интердепенции, детерминации, констелляции, объединения. Внутри логико-семантических отношений типа импликации различаются собственно импликация, пресуппозиция и экспектация.

Иное содержание имеет термин «импликация» в исследованиях художественного текста. Текстовая импликация — понимается как дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста. В этом смысле импликацию отличают от других видов подразумевания — подтекста, эллипсиса, пресуппозиции, аллюзии и т. п. Или под импликацией понимают дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста. Таким образом, текстовая импликация сопряжена с представлением об имплицитном содержании, или смысле. Одно из словарных значений термина «импликация» — это «подразумевание». По-видимому, явления, в которых импликация сопряжена с имплицитностью языкового выражения, могут быть отнесены к «области импликационной специфики», включающей, по Ю. М. Скребневу, использование слов, актуальное значение

которых приписывается им говорящим и доступно слушателю благодаря ситуации.

Понятия об импликации и имплицитном как сопряженные имеют признаки общего и различного. Импликация, или имплицитивные отношения между суждениями, в структуре текста может быть эксплицитной и имплицитной. Импликация эксплицитна при эксплицитном, вербализованном, выражении частей имплицитивной модели — непосредственного или опосредованного умозаключения: антецедента (основания), консеквента (следствия, вывода, заключения) и связки. Импликация имплицитна при отсутствии языковой реализации в тексте одной из частей умозаключения. В последнем имеет место имплицитность языкового выражения. При опосредованном характере импликации имплицитность языкового выражения создается пропуском на поверхностной семантической структуре текста части (или частей) опосредованного умозаключения, или силлогизма.

Имплицитное рассматривалось как информация, основанная на общих знаниях говорящего и слушающего о свойствах языка (сюда можно отнести, например, понимание интонации), традициях, речевой этикете, культурных коннотациях, речевых стратегиях говорящего — фоновые знания. По мнению авторов коллективной монографии «Имплицитная информация в языке и речи», задача полного установления и отражения содержания заставляет учитывать фрагменты смысла, связанные с актуализацией общих знаний о мире.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, первыми рассмотревшие вопрос о фоновых знаниях в отечественном языкознании, определяют их как «общие для участников коммуникативного акта знания» [Верещагин 1973: 126] и выделяют три вида фоновых знаний: общечеловеческие, региональные и страноведческие. Выделение общечеловеческих фоновых знаний представляется нам сомнительным, поскольку в той или иной мере они преломляются через призму *конкретной* культуры. В связи с этим мы предлагаем рассматривать *культурно-обусловленные* и *ситуативно-обусловленные* фоновые знания. Такой подход не исключает возможность дальнейшей дифференциации и, что главное,

позволяет максимально упростить языковую модель без ущерба для понимания природы коммуникации.

Любой текст (а именно через текст мы анализируем речь и язык) существует в неразрывной связи с *говорящим* и *ситуацией общения*. Это универсальные категории, которые применимы к любому речевому акту. В самом деле, без порождающего текст субъекта текст появиться не может, как не может текст существовать вне времени и пространства. Ситуация общения связывает текст (речевое сообщение) со временем и ситуацией, говорящий же задает модальность сообщения. Текст как «снимок», «проекция» фрагмента действительности разворачивается относительно говорящего: исходная точка пространства — *здесь*, исходная точка времени — *сейчас* и исходная точка оценки — *Я* говорящего. Развитие языков приводит к появлению конструкций, связь которых с ситуацией общения и говорящим сведена к минимуму, но абсолютно все-таки не исчезает: специфика человеческой речевой коммуникации заключается в том, что она «способна осуществляться без всякой опоры на ситуацию во всех ее видах. Человек способен сообщить другому человеку <...> и то, что не имеет никакого касательства к внешнему и внутреннему эмоциональному состоянию ни отправителя (говорящего), ни получателя сообщения (слушающего), а также к окружающей их обстановке. Другое дело, что появление подобного ситуативно-независимого сообщения, как правило, предполагает те или иные предпосылки в движении мысли и эмоций слушающего, хотя последнее отнюдь не обязательно. Действительно, при произнесении любой самой неожиданной, ситуативно никак не фундированной фразы <...> у говорящего, несомненно, присутствует целая цепь рассуждений во внутренней речи, некоторым итогом которых и являются произнесенные вслух фразы. Тем самым они оказываются связанными с определенным (в данном случае внеречевым) контекстом» [Адмони 1994: 27-28].

Отметим, что говорящий включен в ситуацию общения, и ситуация общения в значительной мере влияет на него. Предугадать развитие диалога,

как правило, невозможно, т. к. роли «говорящий»/«слушатель» постоянно меняются и обе стороны в равной степени влияют на ход диалога. Более того, равноправие в рамках диалога есть основание диалогического общения, поскольку диалог — это попытка снять изначальное несоответствие взглядов коммуникантов на предмет обсуждения: «человеческая речь есть явление двустороннее: всякое высказывание предполагает, для своего осуществления, наличие не только говорящего, но и слушающего» [Волошинов 1930: 65]. Если коммуниканты настроены «на выигрыш», мы имеем дело со спором, который можно представить как «борьбу» разных «снимков», «проекций» одного фрагмента действительности. Поскольку любой текст строится относительно говорящего, мы изначально имеем в диалоге несоответствие позиций («Поскольку перцептивный опыт каждого человека уникален, мы все должны располагать уникальными когнитивными структурами, и, по мере того как мы становимся старше и все более отличными друг от друга, эти различия должны только усиливаться» [Найссер 1981: 197]). Но если исходные точки пространства и времени можно привести к общему знаменателю — в конце концов, оба коммуниканта включены в одну ситуацию общения, — то исходные точки оценки к общему знаменателю свести труднее.

Итак, включенные в некоторую ситуацию общения, коммуниканты «ведут себя» с оглядкой на ситуацию диалога, но и ситуация диалога меняется с каждым новым речевым действием. В связи с этим Л. В. Лисоченко отводит активную роль в процессе коммуникации как говорящему, так и слушающему. Для порождения и восприятия содержания (смысла) текста в полном его объеме необходимо привлечение дополнительных, находящихся вне текста, факторов. К таким факторам относится презумпция общения (пресуппозиционные знания коммуникантов), актуальная для данного речевого акта. Соответственно, имплицитное понимается как общие знания говорящего и слушающего о свойствах языка, традициях, речевом этикете, культурных коннотациях, речевых стратегиях говорящего (фоновые знания).

В свою очередь, любая ситуация общения неразрывно связана с культурной средой: представляя собой элемент культуры, диалог строится с учетом норм и запретов¹ и в то же время является средством сохранения и/или изменения культуры. Культурой обусловлены фоновые знания коммуникантов; их полное совпадение невозможно (что, с одной стороны, создает предпосылки для коммуникации, а с другой, является одной из причин коммуникативных неудач).

Ключевое значение для осмысления феномена имплицитности сыграл принцип кооперации Г. П. Грайса, в основании которого лежит предположение, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общую цель: достижение взаимопонимания.

Говорящий не просто порождает последовательность структур, превращающуюся в последовательность слов. Он выбирает то, что ближе всего к его замыслу, для того чтобы быть наиболее полно понятым слушателем, а слушатель, учитывая эту стратегию, понимает именно то, что задумал говорящий.

В пределах принципа кооперации Г. П. Грайс выделяет четыре группы коммуникативных постулатов, или постулатов дискурса: а) постулаты информативности («*Высказывание должно быть достаточно информативным*»; «*Оно не должно содержать лишней информации*»); б) постулаты истинности («*Не говори того, что считаешь ложным*»; «*Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований*»); в) постулат релевантности («*Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу*»); г) постулаты ясности выражения («*Избегай неясных выражений*»; «*Избегай неоднозначности*»).

Адресат извлекает из высказывания большее содержание, чем в нем непосредственно выражается, поскольку полагает про адресанта, что тот соблюдает принцип кооперации. Иными словами, имплицатуры — это

¹ «В каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях в соответствии с их социальными ролями (начальник — подчиненный, муж — жена, отец — сын, пассажир — контролер и т.д.)» [Маслова 2001: 47].

заклучения, которые делает адресат, принимая во внимание не только само содержание высказывания S , но и то обстоятельство, что адресант вообще произнес S в данной ситуации, а также не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S' . При этом важно отметить, что если S' — это высказывание, которое приблизительно равнозначно S , но требует меньшего усилия, чем S , то адресат вправе заключить, что, употребляя S вместо S' , адресант хочет этим что-то сказать [Падучева 1996: 237-238].

Коммуникативные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания коммуникативные *импликатуры*, понимаемые нами как компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта. В отличие от пресуппозиций, импликатуры не конвенциональны и не зависят от языка. С понятием импликатуры тесно связано понятие *импликация*. Последнее мы определяем как логическую операцию, которой в естественном языке соответствует связка «если..., то...».

На существование коммуникативных постулатов указывает и К. А. Долинин. Он выделяет четыре общих принципа: принцип осмысленности, целенаправленности, ситуативности и связности. Прежде всего, постулируется понимание коммуникантами предмета и содержания речи. Поэтому предполагается, что каждое законченное высказывание имеет определенное номинативное содержание (1). Кроме этого, каждое высказывание преследует некую, пусть неосознанную, цель (2), так или иначе связано с ситуацией общения (3) и связано по смыслу с более крупной речевой единицей, в которую оно входит, и, как правило, с другими высказываниями, входящими в это же образование (4). Безусловно, приведенные здесь постулаты применимы и к организованной последовательности высказываний — тексту. Помимо названных общих принципов, существует ряд более частных закономерностей или правил, регулирующих построение высказываний и текстов в зависимости от параметров коммуникативной ситуации [Долинин 1983: 39].

Интересно отметить, что термин «импликация» получает у авторов, основное внимание которых направлено на изучение функционирования речи, не общепринятое истолкование. Импликация в понимании Дж. Остина составляет своеобразное условие доброй воли речевой деятельности. Так, он полагает, что предложение «*Идет дождь*» имплицитно в устах определенного лица высказывание «*Я думаю (полагаю), что идет дождь*» [Арутюнова 1973: 85].

1.3. ИмPLICITное в речи как предмет исследования теории речевого воздействия

Дальнейшие исследования имPLICITного в речи были посвящены определению природы несоответствия между планом выражения и планом содержания: скрытые компоненты смысла порождаются потребностями речевой коммуникации — стремлением экономно выразить мысли (Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, Н. Ю. Шведова, Е. И. Шендельс и др.) или же нежеланием автора нести ответственность за открыто произнесенное высказывание (Е. Ю. Булыгина, Х. Вайнрих, Н. Д. Голев, В. В. Дементьев, Н. А. Купина и др.).

М. В. Никитин, О. С. Сыщиков определяют подтекст как результат имPLICITирования информации [Сыщиков 2000; Никитин 1988: 155-158]. К. А. Долинин также отмечает возможность «запланированности» имPLICITного содержания сообщения адресантом [Долинин 1983: 37]. О. С. Иссерс отмечает, что коммуникативные ходы (обобщение, уступка и другие) могут быть как эксплицитными, так и имPLICITными. В последнем случае можно говорить о косвенных речевых актах [Иссерс 2002: 117]. Здесь важно определить границы между манипуляцией и косвенными речевыми актами. Если адресат догадывается или знает о том невысказанном смысле, который подразумевал говорящий, манипуляции нет, а есть косвенное речевое поведение [там же: 68]. Однако возможен и обратный эффект, когда адресат улавливает в сообщении скрытый смысл, который «возник» помимо воли

говорящего: «Внешне спокойные слова могут обидеть собеседника, если он услышит за ними интенцию неодобрения, презрения, отвержения» [Слово... 2000: 18]. Одним из первых обратил внимание на это явление О. Дюкро. Он вводит оппозицию «преднамеренность/непреднамеренность порождения имплицитного содержания», что позволяет выделить два типа имплицитности:

«1) непреднамеренную имплицитность, когда говорящий вовсе не вкладывает в свою речь что-то скрытое, неявно выраженное, то есть дополнительный скрытый смысл. Но реципиент обнаруживает его в силу своего личного восприятия;

2) преднамеренную имплицитность, в этом случае адресант намеренно передает часть информации между строк, стремится подвести адресата к определенному заключению, воздействовать на него внушением каких-то определенных идей» [Нефедова 2001: 15].

По О. Дюкро, одной из причин появления имплицитности может быть «нежелание говорящего нести ответственность за открыто произнесенное высказывание... В этом случае имеет место умолчание, имплицитное просьбу, совет, угрозу, упрек» [Нефедова 2001: 17].

Идея возможной преднамеренности имплицитного в речи стимулировала интерес исследователей, с одной стороны, к имплицитному как к художественному приему («Иногда это целая задача для литературоведа — понять, почему автор выразил обиняком то, что можно было бы сказать и прямо» [Падучева 1996: 232]), с другой стороны, к имплицитному, лежащему в основе приемов речевого воздействия.

Во многих случаях имплицитная информация для достижения перлокутивного эффекта настолько значительна, что можно говорить о языковом манипулировании сознанием, т. е. использовании особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Говорящий «навязывает» слушающему определенное представление о действительности, эмоциональную реакцию или

намерение, не совпадающие с теми, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно (А. Н. Баранов, О. С. Иссерс, И. П. Лапинская, И. С. Плохинова и др.).

С. Г. Кара-Мурза относит имплицирование информации к обману. Обман сам по себе составить манипулятивное воздействие не может, т. к. ложная информация, воздействуя на поведение человека, не затрагивает его дух, его намерения и установки. «Лисица, выманивая сыр у Вороны, даже не может быть названа обманщицей. Она же не говорит ей: брось, мол, мне сыр, а я тебе брошу сырокопченой колбасы. Она просит ее спеть» [Кара-Мурза 2001: 18]. По сути, подобный вывод означает, что высказывания, содержащие имплицитные смыслы, нельзя относить к методам манипулятивного воздействия.

Г. В. Грачев и И. К. Мельник, напротив, отмечают среди прочих способов манипулятивного воздействия логико-психологические уловки. В качестве примера авторы приводят известный с античности софизм, требующий ответа «да» или «нет» на вопрос «*Перестал ли ты бить своего отца?*». Любой ответ не красит человека — получается, что он либо до сих пор бьет, либо бил раньше [Грачев 1999: 151]. Строятся подобные уловки на нарушении законов логики, так как содержат ложные пресуппозиции (в приведенном примере пресуппозиция — «*Ты раньше бил отца*»). Особенно эффективны, отмечают исследователи, публичные обвинения, при этом главное — получить короткий ответ и не дать человеку возможности объясниться.

Использование информации, не составляющей эксплицитного содержания употребляемых слов и конструкций, представляет особый интерес для составителей рекламных и пропагандистских текстов. Воздействие прямым выражением интенций наиболее уязвимо для противодействия: если человеку предлагают «*голосуй*», это означает, что говорящий хочет, чтобы слушающий совершил это действие. Обычная реакция слушающего — подумать, а нужно ли это ему. В результате предложение может быть отвергнуто.

Если же призыв будет содержаться имплицитно, он не будет подвергаться прямой оценке и, соответственно, не будет отвергнут. Так, фраза «*Это —*

лучшие колготки» не показывает в явном виде, что данная покупка желательна для говорящего. Сама идея покупки возникает у слушающего как его собственный вывод: «Лучшие — значит, хорошо их иметь, для этого их надо купить; значит, хорошо их купить».

Имплицитная информация, передаваемая в рекламе, может быть как желательной для автора, так и нежелательной. Источники имплицитной информации столь разнообразны, что далеко не всегда они принимаются во внимание составителем текста. Он может не вспомнить о какой-то ассоциации, вызываемой данным словом. Так возникают товарные знаки типа «отривин» — название лекарства. Будучи переводным, оно вызывает нежелательную ассоциацию по созвучию со словом *отравить* [Борисова 1999₂: 145-146].

В статье «*К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе*» (2000) Ю. К. Пирогова обращается к анализу ложных умозаключений на основе формально верных сведений, представленных в рекламе. Автором было выявлено 11 типов ложных умозаключений (некоторые из них представлены несколькими вариантами).

1. *Перевод коннотации в денотативную информацию.* Название товара или фирмы x имеет коннотации, связанные с локусом (страной, городом, регионом) $y \rightarrow x$ произведен в y или фирмой из y .

2. *Выбор положительной оценочной интерпретации при ее конкуренции с какой-либо другой.* Суждение S об объекте x имеет более одного значения, причем по крайней мере одно из них содержит положительную оценку объекта $x \rightarrow$ Суждение S однозначно и именно то, которое содержит положительную оценку объекта x .

3. *Усиление утверждений уникальности, новизны и абсолютного превосходства:*

3.1. *Уникальная характеристика части \rightarrow уникальное действие целого.* X имеет уникальную составную часть a ; a имеет действие $z \rightarrow x$ имеет уникальное действие z .

3.2. *Уникальность сочетания характеристик* \rightarrow *уникальность каждой из характеристик*. Только x обладает характеристиками (имеет действие) a и $b \rightarrow$ Только x обладает характеристикой (имеет действие) a и только x обладает характеристикой (имеет действие) b .

3.3. *неабсолютное превосходство* \rightarrow *абсолютное превосходство*. В категории x нет товаров лучше, чем $a \rightarrow a$ самый лучший в категории x .

3.4. *подмена марки категорией*. Преимущество в пределах марки \rightarrow преимущество в пределах товарной категории.

4. *Перенос характеристик части на целое*. A входит в состав x ; a имеет действие или характеристику $z \rightarrow x$ имеет действие или характеристику z .

5. *Усиление утверждения путем игнорирования его модальности*. X практически имеет действие z или x помогает (может, способен) осуществить действие $z \rightarrow x$ имеет действие z .

6. *Усиление утверждения путем игнорирования ограничителя (превращение шкалы в точку) или дополнительных условий*. Цена от z у. е. \rightarrow Цена z у. е.

7. *Перенос отрицаемых характеристик на конкурентные объекты*. X не имеет действие (не содержит, не обладает характеристикой) $z \rightarrow$ Основные конкуренты x имеют действие (содержат, обладают характеристикой) z .

8. *Усиление утверждения за счет смешения связанных или коррелирующих понятий*. Размываются границы между понятиями «многие» и «большинство», «профилактическое средство» и «лекарство» и т. п.

9. *Ложное тождество, устанавливаемое на основе внешнего признака*. X имеет вкус (запах, цвет) натурального объекта $z \rightarrow x$ содержит или изготовлен из z .

10. *Смешение авторства: присвоение реплики персонажа рекламодателю или реальному лицу (советчику, предписанту)*. Персонаж рекламного сообщения высказал о товаре суждение $S \rightarrow$ Рекламодатель или реальный человек высказал о товаре суждение S .

11. *Присвоение конкурентным объектам свойства, противоположного тому, которое акцентируется в рекламе данного товара.* X обладает характеристикой $z \rightarrow$ конкурентные товары не обладают характеристикой z [Пирогова 2000₂].

По мнению Ю. К. Пироговой, построению импликатур (ложных умозаключений) рекламного дискурса способствуют особенности восприятия, интерпретации и запоминания человеком информации. Среди них выделяются: общекогнитивные особенности; особенности, специфичные для массового сознания; особенности, проявляющиеся в рекламном дискурсе.

В число общекогнитивных особенностей входят *избирательное восприятие информации* (человек склонен в первую очередь замечать те сообщения, которые связаны с имеющимися у него в данный момент потребностями или же появления которых он ожидает, либо те, которые резко контрастируют с остальными сообщениями), *избирательное искажение информации* (человек склонен трансформировать информацию таким образом, чтобы она поддерживала, а не оспаривала его уже сложившиеся представления), *избирательное удержание (запоминание) информации* (информация запоминается лучше, если она появляется в начале и в конце сообщения, многократно повторяется в сообщении или же поддерживает отношения и убеждения человека).

Особенно важно в ряду общекогнитивных особенностей восприятия отметить стремление адресата снизить когнитивный диссонанс: человек получает противоречивую информацию, в силу чего не замечаются или искажаются сведения, противоречащие ожидаемым.

Для массового сознания характерны преимущественно эмоциональное, а не рациональное восприятие сообщения, обработка сообщения преимущественно с использованием стереотипных представлений о мире, стремление присоединиться к мнению большинства.

Среди особенностей, проявляющихся в рекламном дискурсе, автор выделяет отсутствие заинтересованности в информации рекламного характера

и невнимательное отношение к ней, а также избегание рекламной информации, недоверие к ней и ряд других [Пирогова 2000₂].

Особое внимание, на наш взгляд, стоит обратить на *перенос отрицаемых характеристик на конкурентные объекты* (7) и *присвоение конкурентным объектам свойства, противоположного тому, которое акцентируется в рекламе данного товара* (11). Мы полагаем, что построению данных ложных умозаключений (по сути, второй из приведенных типов представляет собой расширенную формулировку первого) способствуют особенности естественного языка. Действительно, если в рекламе сообщается, что товар x_1 , входящий в ряд сопоставимых товаров $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$, не обладает характеристикой z (например, не содержит холестерина), то слушающий вправе сделать вывод, что все прочие элементы ряда характеристикой z обладают (холестерин содержат), поскольку в противном случае можно было бы указать, что *все* элементы ряда не обладают характеристикой z . Более подробно этот вопрос будет рассмотрен нами во второй главе настоящего диссертационного исследования.

Важно отметить, что использование имплицитной информации Ю. К. Пирогова рассматривает как один из приемов коммуникативного воздействия, таких как использование коннотативной семантики; построение ложной аналогии; некоторые приемы метафоризации; искусственная категоризация и создание искусственных классов сравнения, выбор некорректного параметра сравнения или его некорректное обозначение и т. п. Однако имплицитная информация есть *результат* использования перечисленных автором приемов, иными словами, *ложные умозаключения*, типологию которых приводит автор.

Каждый из отмеченных здесь приемов может провоцировать построение ложного умозаключения, однако, отмечает автор, ни один из этих приемов не является манипулятивным сам по себе.

Таким образом, нужно оценивать не прием сам по себе, а его перлокутивную (воздействующую) нагрузку в конкретной ситуации: какие

умозаключения может на его основе построить адресат рекламы и будет ли он при этом введен в заблуждение относительно важных для адресата характеристик рекламируемого объекта (или условий его приобретения) [Пирогова 2000₂].

Тем не менее, *не все*, что неявно присутствует в высказывании, может отвечать на вопросы: *что говорящий имеет в виду? каков подтекст его слов?* Интерпретатор может «видеть» в высказывании смыслы, которые говорящий (пишущий) в него не закладывал. Разнообразие источников имплицитной информации столь велико, что возможность той или иной интерпретации далеко не всегда принимаются во внимание говорящим. В связи с этим в семантике принято различать импликатуры говорящего — имплицитную информацию, которую «закладывает» говорящий, и инференции — то, что «извлекает» слушающий [Зализняк 2004]. Выше мы уже упоминали классификацию О. Дюкро, выделявшего помимо преднамеренной имплицитности (которой в цитируемой работе А. А. Зализняк соответствует понятие импликатуры) имплицитность непреднамеренную, когда реципиент в силу своего личного восприятия обнаруживает некий скрытый смысл, не вложенный в сообщение говорящим. В качестве примера непреднамеренной имплицитности (инференции) рассмотрим диалог из книги В. Леви «*Нестандартный ребенок*» (1989), представленный для удобства в виде таблицы (цит. по [Зализняк 2004]):

<i>Произнесенный текст</i>	<i>Смысл, который вкладывает в сообщение говорящий</i>	<i>Смысл, воспринятый слушающим</i>
[Сын]: — <i>Мам, я пойду гулять.</i>	Мне скучно, мой мозг в застое, мои нервы и мускулы ищут работы, мой дух томится.	Не хочу ничего делать, я безответственный лентяй, мне лишь бы поразвлекаться.
[Мать]: — <i>Уроки сделал?</i>	Хорошо тебе, мальчик, а мне еще стирать твои штаны.	Не забывай, что ты не свободен.
[Сын]: — <i>Угу.</i>	Помню, помню, разве ты дашь забыть?	Смотрел в книгу, а видел фигу.
[Мать]: — <i>Вернешься, проверим. Чтоб через час был дома.</i>	Можешь погулять и подольше, у меня голова болит. Хоть бы побыстрее вырос, что ли. Но тогда будет еще тяжелее.	Не верю тебе по-прежнему, и не надейся, что когда-нибудь будет иначе.
[Сын]: — <i>Ну я пошел.</i>	Не надеяться невозможно. Ухожу собирать силы для продолжения сопротивления.	Ты отлично знаешь, что вовремя я не вернусь, а проверку уроков замнем.
[Мать]: — <i>Надень куртку, холодно.</i>	Глупыш, я люблю тебя.	Не забудь, что ты маленький и останешься таким навсегда.
[Сын]: — <i>Не. Не холодно. Витька уже без куртки.</i>	Ну когда же ты, наконец, прекратишь свою мелочную опеку?	Есть матери и поумнее.
[Мать]: — <i>Надень, тебе говорю, простудишься.</i>	Пускай я и не самая умная, но когда-нибудь ты поймешь, что лучшей у тебя быть не могло.	Оставайся маленьким, не имей своей воли.
[Сын]: — <i>Да не холодно же! Ну не хочу... Ну отстань.</i>	Прости, я не могу выразить это иначе. Пожалуйста, не мешай мне тебя любить.	Ты мне надоела, ты глупа, я тебя не люблю.

Поскольку интерпретация (инференция) третьего лица может не соответствовать смыслу, «имплицитное» шире «подразумеваемого».

1.4. Рассмотрение имплицитного в собственно лингвистическом аспекте

В конце XX в. предпринимается попытка объяснить общий механизм возникновения имплицитного содержания высказывания и выявить важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению. Между тем, задача исследования, как правило, сужается до установления наиболее вероятного подтекста того или иного сообщения для определенной категории получателей, находящихся в определенных условиях.

Итак, адресату непосредственно дано само высказывание и, в зависимости от обстоятельств, те или иные параметры коммуникативной ситуации. Зная правила построения высказываний и текстов в различных условиях общения, адресат «вычисляет» те недостающие аргументы, которые его интересуют. Этим создаются необходимые и в большинстве случаев достаточные условия для извлечения имплицитного содержания высказывания [Долинин 1983: 41].

Если параметры высказывания не согласуются с данными о коммуникативной ситуации, которыми располагает получатель, такие высказывания воспринимаются как неправильные, странные. Один из путей разрешения возникающего противоречия — пересмотр представления о коммуникативной ситуации. При невозможности устранить противоречие таким путем получатель отвергает высказывание как абсурдное либо пытается решить вопрос путем пересмотра своего толкования высказывания [Долинин 1983: 42].

В некоторых работах высказывается мысль, что подтекст вообще связан с «неправильностями» в речевом поведении. По мнению Ц. Годорова, имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте «лакун» — пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений норм коммуникации. Адресат интерпретирует сегмент текста, содержащий аномалию, опираясь на «презумпцию уместности».

Ведущим моментом в процессе восприятия подтекста К. А. Долинин называет информационные потребности получателя. Так, в тексте может быть формально не выражен некий факт (1) или же логическая связь между высказываниями и сообщаемыми фактами (2). Помимо лакун, возможны несоответствия высказывания деятельностной ситуации (3), роли адресата (4), основным параметрам коммуникативной ситуации (5). Отклонения от стандарта совершаются по определенным образцам. Отступая от ролевой или ситуативной нормы, человек строит свое речевое поведение в соответствии с нормами некоей другой роли или ситуации (3, 4). Лакуны в тексте (1, 2) часто вообще не воспринимаются как отступления от норм в силу привычности и стандартности, а «неправильные» иллокуции (5) употребляются настолько регулярно, что их типовые значения описываются даже в нормативных грамматиках. В связи с этим К. А. Долинин делает вывод, что имплицитными эти значения можно назвать лишь условно [Долинин 1983: 42-45].

С другой стороны, лакуны в тексте рассматриваются как проявление тенденции к компрессии текста. Сокращение высказываний описывается различно. Так, в исследованиях Е. И. Шендельс противопоставляются имплицитное («невыраженное») и эллипсис («сокращенное»). К. Кожевникова, напротив, не разграничивает явления имплицитности и эллипсиса. Она различает два вида имплицитности: имплицитность, основанную на логических связях выраженного содержания, и имплицитность, основанную на контекстуальных связях. Имплицитным при таком подходе считается способ выражения значения не отдельным словом, а, например, аффиксом или семантической структурой слова, поглощающей данное значение [Гак 1998: 107].

Одно из главных отличий подхода К. А. Долинина к проблеме имплицитного заключается в том, что за пределами рассмотрения оказываются характер высказывания, его актуальность для того или иного участника общения, «запланированность» адресантом, включенность высказывания в контекст: «Есть веские основания полагать, что механизм возникновения

подтекста в основе своей един, а все различия в распространенности этого явления и в конкретных способах его реализации в различных жанрах не затрагивают сути дела» [Долинин 1983: 37]. Кроме того, автор сознательно отказывается от вычленения отдельных видов имплицитного содержания высказывания (импликация, подтекст, аллюзия, пресуппозиция, затекст и пр.). Такой подход представляется нам правомерным, поскольку актуальность смысловых компонентов для участников общения может быть различной: «то, что для адресанта является чем-то само собой разумеющимся, для адресата может быть новым и актуальным» [Беллерт 1978: 204-205]. Актуальную информацию регулярно дают пресуппозиции высказываний, открывающих литературное повествование.

К. А. Долинин различает два вида подтекстов: референциальный и коммуникативный. Первый относится к номинативному содержанию высказывания, отражающему ту или иную референтную ситуацию; второй входит в коммуникативное содержание высказывания, соотносимое с самим актом коммуникации и его участниками [Долинин 1983: 38].

Причину возникновения имплицитного содержания высказывания К. А. Долинин видит во взаимодействии семантики текста с набором взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста. Иными словами, адресат, опираясь на свои «фоновые знания», сам приписывает сообщению некое содержание. Между тем, отмечает автор, для успешного восприятия имплицитного содержания высказывания, знания о мире (взаимосвязанные сведения, касающиеся содержания текста) должны быть дополнены знаниями о речи, об основных закономерностях речевого поведения.

Важнейшая предпосылка возникновения референциального подтекста, по К. А. Долинину, — «взаимосвязанность объектов и явлений действительности, находящая свое отражение во взаимосвязанности представлений и понятий о мире, из которых складывается тезаурус носителя данной культуры и данного языка. В результате сообщение о факте А, связанном в действительности и/или

в тезаурусе реципиента с фактами В, С, D и т. д., потенциально имплицитно последние в его сознании: $A \rightarrow B, C, D \dots$ » [Долинин 1983: 38].

Любое повествовательное высказывание потенциально несет сообщение о явлениях, связанных с описываемым явлением, например, о предпосылках описываемого факта и его возможных последствиях. Так, высказывание «*Габи выходит замуж за Лулу*», позволяет заключить, что:

- (1) Габи — женщина;
- (2) Лулу — мужчина;
- (3) Габи и Лулу — взрослые люди, во всяком случае, оба достигли брачного возраста;
- (4) Габи и Лулу — по всей вероятности, французы;
- (5) Габи и Лулу до этого хотя бы какое-то время не состояли в браке *и т. п.*

И. Беллерт, подробно описавшая подобные «квазиимпликации» в статье «*Об одном условии связности текста*» (1978), различает выводы, основанные на знании языка сообщения (в приведенном примере 1 и 2) и на «знании мира» (3-5). Стоит отметить, что знания о языке — это те же знания о мире, зафиксированные в системе значений данного языка [Долинин 1983: 38]. Выводы указанного типа часто описываются также в терминах пресуппозиций.

Из того, что Габи выходит замуж за Лулу, следует также, что:

- (6) Габи и Лулу, по всей вероятности, будут жить вместе;
- (7) У них, возможно, будут дети *и т. д.*

В референциальный подтекст входят также экзистенциальные пресуппозиции: пресуппозиция существования объекта или лица и пресуппозиция реальности факта. Именно они «позволяют высказать нечто так, как если бы это и не требовалось высказывать» [Ducrot 1972: 23]. Так, вопрос «*Где вы убили вашу жену?*» предполагает, что адресат ее убил, даже если он это отрицает. Подтекст, задаваемый экзистенциальными пресуппозициями,

«основывается уже не на знаниях о мире вещей и явлений, внешних по отношению к речи, а на известных реципиенту общих принципах и нормах речевой коммуникации, которые лежат в основе коммуникативного имплицитного содержания высказывания и играют решающую роль в восприятии подтекста вообще» [Долинин 1983: 39].

Обусловленность речи вообще и каждого отдельного высказывания в частности *референтной ситуацией* (отрезок объективной действительности, с которым соотносится референциальное содержание высказывания), *деятельностной ситуацией*, в рамках которой происходит речевое общение, *предметно-ситуативным фоном* (то, что происходит вокруг), *каналом связи* осознается большинством взрослых членов социума как ролевые предписания и ролевые ожидания. Это приводит к тому, что каждое высказывание не только несет определенное эксплицитное содержание, но выступает как сложный «знак-признак» того коммуникативного акта, в результате которого оно возникло [Долинин 1983: 39-40].

Однако, в силу того, что ситуации общения бесконечно разнообразны, а речевое поведение адресанта определяется не непосредственно параметрами коммуникативной ситуации, а его субъективным представлением о ней, объективно сходные коммуникативные ситуации разными субъектами могут быть расценены по-разному. «Субъекты, занимающие разные позиции в коммуникативном акте, обладающие разными сведениями относительно референтного пространства и параметров данной коммуникативной ситуации и заинтересованные в получении разной информации, извлекут из данного высказывания разный подтекст» [Долинин 1983: 41].

Вместе с тем, несмотря на вариативность интерпретации, в каждом конкретном случае данное сообщение потенциально несет некоторое объективное имплицитное содержание [там же]. Поскольку *вся* эта информация теоретически доступна лишь наблюдателю, способному подойти к сообщению со *всех возможных* позиций, К. А. Долинин сужает задачу исследования до установления наиболее вероятного подтекста того или иного сообщения для

определенной категории получателей, находящихся в определенных условиях [там же].

Проблема имплицитного выражения затрагивается также в главе, посвященной проблеме взаимосвязи языка и мышления, вошедшей в состав монографии «Общее языкознание: формы существования, функции, история языка» (1970). Здесь различаются широкое понимание имплицитности (как оно представлено, например, у Ш. Балли) — его можно было бы назвать психологическим, — и более узкое — языковое. Различие между ними зависит от того, с чем сравнивать имплицитное выражение, что полагать в качестве его исходного эксплицитного варианта.

Ш. Балли считает высказывание имплицитным не по сравнению с полным выражением, присущим языковой норме, а по сравнению с психическим процессом образования мысли, суждения, которое он **также** понимает широко. Сам Балли подчеркивает, что собственно экспрессивные высказывания типа *Я полагаю, что подсудимый невиновен* в языке далеко не самые распространенные (они, как правило, искусственны с точки зрения обычного общения). Наиболее употребительными являются различные имплицитные формы высказывания (*подсудимый виновен*), в которых большое значение имеют неартикулируемые знаки — музыкальные (интонация, паузы, ударение и т. д.) и ситуативные. Ш. Балли обсуждает явление имплицитности главным образом в связи с модальностью высказывания.

С лингвистической точки зрения целесообразно считать имплицитными такие выражения, которые противостоят «полным» выражениям в плане языковой нормы (по-видимому, сюда нужно включить и частотность как один из ее критериев), образуя с ними синонимические ряды. Такие имплицитные выражения могут быть в различной степени узуальными, поскольку возможность «неназывания» отдельных компонентов мысли или даже целой мысли заложена в самой системе языка в виде особых форм и конструкций, которые служат именно для имплицитного выражения тех или иных элементов мысли-сообщения в определенных коммуникативных ситуациях. Сюда

относятся различные виды эллипсов — традиционных и продуктивных, в том числе и весьма разнообразные типы односоставных предложений [Общее языкознание 1970: 389].

В настоящий момент в лингвистике скрытые компоненты смысла изучаются в свете когнитивно-коммуникативного подхода к языку (Л. А. Нефедова, Г. К. Хамзина). Так, имплицитность рассматривается как одна из важнейших речевых универсалий (Г. К. Хамзина). Поскольку это явление возникает в результате тесного взаимодействия языковых и речевых факторов, имплицитность рассматривается как языковая универсалия (Ю. М. Скребнев).

Кроме того, если одними лингвистами манифестируется существование семантических элементов, не выраженных явно, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств (А. В. Бондарко), то другими утверждается, что любой компонент смысла обязательно имеет материальное выражение (Е. И. Шендельс, П. А. Лекант). С указанными подходами соотносятся два направления исследования. В фокусе первого оказываются речевые действия: порождение и восприятие скрытых компонентов смысла. Речемыслительная деятельность не сводится лишь к сопоставлению обнаруженных в речевом потоке единиц со списком строевых средств языка (словарем) и установлению их значения (доказательствами этого служат «поиски нужного слова», использование заведомо неточных обозначений с операторами *как бы, нечто вроде, буквально* и т. п.). Соответственно, необходимо изучение дополнительных операций, не сводимых к отождествлению значений языковых знаков. Такими мыслительными операциями слушающего являются:

- а) восстановление лакун в представлениях какого-либо уровня (например, неполноту синтаксических структур);
- б) извлечение дополнительной информации с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний;
- в) «отграничение» замысла говорящего от других интерпретаций (отбрасывание неверных пониманий);

- г) определение нереализованных в данном тексте потенций высказывания (выявление «заднего смысла») [Имплицитность... 1999: 11].

Перечисленные операции ведут к обогащению содержания сообщения за счет информации, не выраженной эксплицитно.

В фокусе второго направления — соотносимые с неявными компонентами смысла элементы речи (и, далее, дискурса): «Имплицитность в тексте возникает в результате взаимодействия словарных значений слов с контекстом, поскольку формы этого взаимодействия практически всегда связаны с речемыслительной деятельностью. Слушающий осуществляет референцию, т. е. соотнесение слов с обозначаемыми ими фрагментами реальности, а также восстанавливает регулярно пропускаемые куски смысла» [Борисова 1999: 30].

Понимание имплицитности как некоего пласта смысла, формально не выраженного в речевом акте, но который возможно восстановить путем анализа эксплицитно выраженных элементов, помимо уже упомянутой выше монографии В. Х. Багдасаряна, отражено в работах А. В. Бондарко, А. В. Кунина. В монографии «Грамматическое значение и смысл» (1978) А. В. Бондарко анализирует подразумеваемую импликацию, под которой он понимает семантические элементы, не выраженные в речевом акте языковыми средствами, но вытекающие из эксплицитно выраженных элементов. Близкой является точка зрения А. В. Кунина, высказанная им в статье «Имплицитность — один из системообразующих факторов фразеологической семантики» (1986): имплицитность — это значение или дополнительные элементы значения, которые присутствуют в плане содержания, но отсутствуют в плане выражения (цит. по [Нефедова 2001: 21]).

Интересно в этом смысле замечание М. А. Федосюк, высказанное в монографии «Неявные способы передачи информации в тексте» (1988): «Содержание не может быть невыраженным, так как если оно не выражено, то в этом случае оно просто отсутствует. Поэтому имплицитное содержание — это

содержание выраженное, но выраженное особым способом» (цит. по [Нефедова 2001: 22]).

Стоит отметить, что определение «имплицитного» невозможно без учета триады «культура — ситуация — текст». Очевидное противопоставление имплицитного эксплицитному осмысливается исследователями по-разному, поскольку границы явного также не очерчены.

Другая немаловажная методологическая проблема связана с вопросом о проявлении категории имплицитности на разных уровнях языка. Действительно, в ряде работ имплицитность рассматривается не только на уровне высказывания и текста, но и на уровне слова и морфемы.

Так, рассматривая имплицитность на морфологическом уровне, Е. Г. Борисова отмечает следующие возможные случаи ее проявления:

- а) грамматическая категория выражается нулевой морфемой (например, у имен существительных женского рода в форме родительного падежа множественного числа);
- б) выражение в некотором контексте грамматической категорией значения, обычно ей не присущего (переносное употребление времени глагола; числа имен существительных; одного лица глагола и местоимения вместо другого);
- в) возникновение дополнительных оттенков значения (сохранение результата у совершенного вида; невежливости у несовершенного вида повелительного наклонения при выражении просьбы и др.) [Борисова 1999₃: 15].

Важно отметить, что исследователь оставляет перечень открытым, не исключая существования сходных явлений. Между тем, отнесение по крайней мере первого из перечисленных автором явлений к случаям имплицитной передачи грамматической информации спорно. Отсутствие поверхностного выражения («морфологический нуль») в системе — такой же знак, как и то, что имеет форму [там же: 16]. Следовательно, мы можем считать, что передача

информации эксплицитна. Не является исключением здесь и случай с нулевой связкой *есть* в русском [там же: 16-17] и с нулевым артиклем в западно-европейских языках [там же: 17-18], несмотря на то, что, как справедливо отмечает Е. Г. Борисова, данные явления вызывают множество споров.

Напротив, есть все основания относить переносное употребление одной граммемы какой-то категории вместо другой граммемы той же категории к проявлениям имплицитного способа передачи информации: «Мы не можем считать, что среди значений настоящего времени есть значение прошедшего и будущего: это уничтожило бы саму идею содержательных оппозиций. Следовательно, соответствующие смыслы возникают в семантическом представлении сообщения благодаря некоторым действиям слушающего, что является признаком имплицитности информации» [там же: 18].

Рассматривая случаи, в которых грамматическая категория приобретает дополнительные смысловые нагрузки, Е. Г. Борисова приводит в качестве примера появление модальных значений возможности/невозможности и разрешения/запрета у видов глагола. Наиболее четко это проявляется в инфинитивах после слова *нельзя*: *нельзя открыть чемодан* обычно означает физическую невозможность, а *нельзя открывать чемодан* — запрет. В утвердительном варианте — после слова *можно* — это противопоставление теряет четкость: если *можно открывать* означает алетическую модальность — разрешение, то *можно открыть* может обозначать оба вида модальности — и возможность, и разрешение.

Между тем, в контекстах после *нельзя* отмеченная выше закономерность также не является строгим правилом. Так, можно использовать несовершенный вид для выражения невозможности: «*В такой воде нельзя плавать — ноги от холода сведет*», — и совершенный вид для выражения запрета: «*Нельзя отвернуться от дамы в момент, когда она к тебе обращается*». В этих предложениях выбор вида диктуется какими-то иными соображениями, более важными для передачи, чем различия в модальностях, которые для приведенных примеров и так очевидны. Следовательно, и в этом случае мы

имеем дело со стратегиями выбора вида, основанными на прагматических соображениях. Поэтому оттенки деонтической и алетической модальностей можно рассматривать как имплицитную информацию, выводимую слушателем наряду с другими оттенками из значений видов и модального слова *нельзя* [там же: 27-28].

Далее Е. Г. Борисова подвергает анализу особый тип имплицитной информации — прагматический, который передается видовой оппозицией в императиве. Если при выражении приглашения более вежливо употребить несовершенный вид: *Угощайтесь*, то для выражения просьбы — совершенный: *Передайте, пожалуйста, соль*. Из примеров видно, что значение вежливости невозможно приписать какому-либо виду, из чего автор делает вывод, что оттенки вежливости передаются имплицитно [там же: 28].

В статье «Имплицитная информация в лексике» (1999) Е. Г. Борисова рассматривает аспект имплицитности, так или иначе определяемый лексическим значением. Автор анализирует следующие случаи понимания имплицитности в лексическом значении:

- а) некоторые компоненты значения, в основном неденотативного характера (коннотативные, ассоциативные, эмотивные); пресуппозиция (презумпция);
- б) коммуникативное значение, соотносящее значение лексемы (обычно служебной) с коммуникативными и текстовыми явлениями;
- в) информация, передача которой оказывается факультативной при восприятии слова (внутренняя форма слова и фраземы, культурная аура — происхождение, использование в прецедентных текстах и т. п.) [Борисова 1999: 31].

Основной признак имплицитной информации, передаваемой лексическими и фразеологическими средствами, по мнению Е. Г. Борисовой, —

ее факультативность: результат восстановления информации слушающим может быть неоднозначный [Борисова 1999: 30].

На разных уровнях языка: морфологическом, лексическом, синтаксическом, на уровне сверхфразовых единств, на уровне текста — рассматривается имплицитность в коллективной монографии «Имплицитная информация в языке и речи» (1999).

Одно из закономерных следствий понимания имплицитности как сложного, интегрального явления — систематизация способов проявления имплицитности. Так, О. С. Сыщиков в диссертации «Имплицитность в деловом дискурсе» (2000) приводит следующую классификацию различных видов выражения имплицитных значений:

Уровень	Способ проявления имплицитности
Слово	Импликационал
Словосочетание	Эллипсис
Высказывание	Лексический конверсив и пропозиционная установка
Предложение или текст	Импликация
Ситуация общения и жанр	Пресуппозиция
Дискурс	Импликатура

По мнению О. С. Сыщикова, во всех этих явлениях проявляется универсальная для любого текста категория имплицитности, каждый вид является выражением различных сторон человеческого мироощущения и выполняет в тексте специфическую смысловую функцию. Одновременно все они способствуют реализации запланированного прагматического эффекта [Сыщиков 2000].

Другая классификация предложена Е. В. Падучевой. В основе классификации — разграничение различных неассертивных семантических компонентов смысла при сопоставлении их свойств со свойствами пресуппозиций:

1. Логическое следствие. Так, «*Иван женат*» — логическое следствие высказывания «*Иван женат на Марии*». «Иван женат» не является пресуппозицией, так как «если Иван не женат, то высказывание *Иван женат на Марии* просто ложно, а не аномально».

2. Семантическое следствие. «*Иван отправил письмо*» — семантическое следствие высказывания «*Ивану удалось отправить письмо*», но не пресуппозиция, так как «из $\neg S$ не следует P: из того, что Ивану не удалось отправить письмо ($\neg S$), никак не следует, что он его отправил (P), верно как раз обратное».

3. Фоновый компонент. Фраза «*Закрой дверь!*» не имеет пресуппозиции ‘Дверь открыта’. Строго говоря, пресуппозиции определены только для утверждений. ‘X открыт’ — фоновый компонент в семантике глагола *закрыть* (X).

4. Вводный/аппозитивный компонент. Ложность вводного («Это допущение, *считает Остин*, приводит к философской ошибке») или аппозитивного («Витгенштейн, *который вначале признавал только доказуемые истины*, впоследствии изменил свою точку зрения») компонента не делает высказывание аномальным.

5. Исходное предположение вопроса. Вопрос «*В каких странах проводится исследование загрязнения воды?*» имеет исходное предположение ‘В некоторых странах проводится исследование загрязнения воды’. Исходное предположение вопроса играет иную роль в коммуникации, чем пресуппозиция вопроса. Исходное предположение может нарушаться без ущерба для коммуникации — в число допустимых ответов на приведенный выше вопрос входит «*Ни в каких не проводится*». Реплика же, нарушающая пресуппозицию вопроса («*Загрязнения воды не существует*»), свидетельствует о неудаче коммуникативного акта.

6. Коммуникативная импликатура (импликатура дискурса). Импликатуры не конвенциональны (то есть не входят в значение слов на

данном языке) — «они вытекают из общих постулатов коммуникации и, в принципе, не зависят от языка» [Падучева 1996: 236-237].

Далее мы будем оперировать понятием *имплицитность*. Имплицитность — языковая категория, подразумевающая отсутствие вербализованных компонентов плана выражения, соотносимых с некоторыми компонентами плана содержания. Вслед за К. А. Долининым, мы отказываемся от вычленения отдельных видов имплицитного содержания высказывания, что обусловлено, прежде всего, целью исследования — определением принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания.

Выводы по первой главе

1. Отдельные фрагменты, касающиеся имплицитного в речи, легко отыскать во многих лингвистических трудах, вплоть до «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Тем не менее, работы в данном направлении не имели осязаемого продолжения.

Определенные основы были заложены в русле логических исследований, но до середины XX века росту интереса к рассматриваемой теме препятствовало представление о языке как системе и положение о том, что единственным объектом лингвистического исследования является связь звука и акустического образа.

Первоначально целью исследований была природа предпосылок суждения. Имена, обозначая некие денотаты, служат предпосылками для высказываний, не входя при этом в смысл высказывания. Исследование имплицитного в речи (здесь: пресуппозиций) имело целью установление истинностного значения предложений.

2. Развитию взглядов на природу имплицитного способствовала деятельность представителей «философии обыденного языка». Предмет исследования сместился в сторону дополнительных усилий слушающего, совершаемых для понимания смысла высказывания и восстановления неявной информации. Деятельность слушающего, согласно данной концепции,

обуславливается рядом коммуникативных постулатов. Особое направление исследований здесь — изучение фоновых знаний коммуникантов и их влияния на степень вербализованности смыслового содержания высказывания.

3. Понимание того, что скрытые компоненты смысла могут порождаться потребностями речевой коммуникации (стремлением экономно выразить мысли или же нежеланием автора нести ответственность за открыто произнесенное высказывание), привело к изучению скрытых компонентов смысла в русле теории речевого воздействия. Вместе с тем, изучается непреднамеренная имплицитность.

Рядом авторов была предпринята попытка объяснить *общий* механизм возникновения имплицитного содержания высказывания и выявить важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению. Прежде всего, здесь стоит отметить К. А. Долинина, однако и он сужает задачу исследования до установления наиболее вероятного подтекста того или иного сообщения для определенной категории получателей, находящихся в определенных условиях.

4. В настоящий момент в лингвистике довольно отчетливо представлены два подхода к изучению имплицитности. С одной стороны, манифестируется существование семантических элементов, не выраженных явно, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств (А. В. Бондарко). С другой стороны, утверждается, что любой компонент смысла обязательно имеет материальное выражение (Е. И. Шендельс, П. А. Лекант).

В то же время, назрела необходимость в переходе от анализа разрозненных языковых фактов к комплексному исследованию имплицитного в речи, что позволит не только объединить и унифицировать знания, накопленные в различных областях, но и смоделировать процесс восстановления скрытых компонентов смысла. Последнее имеет сугубо теоретическую значимость, поскольку «дихотомия эксплицитного и имплицитного является отражением дихотомии языка и мышления» [Нефедова 1999: 128].

ГЛАВА 2. Принцип восполнения неявной информации

2.1. Сущность номинации

В живом общении «получатель сам приписывает сообщению некое содержание, извлекая его элементы из своих “фоновых знаний”» [Долинин 1983: 38], вследствие чего, как отмечает Л. А. Нефедова, «любое высказывание может быть понято неполно, неправильно, ошибочно или вообще быть непонятно получателю сообщения» [Нефедова 2001: 41]. Подразумеваемые стороны несловесной части высказывания: *пространство* и *время* события высказывания, *предмет* высказывания и *отношение* говорящих к происходящему — В. Н. Волошинов определяет как *ситуацию*. «Именно различие ситуаций определяет и различие смыслов одного и того же словесного выражения. Словесное выражение — высказывание — при этом не только пассивно отражает ситуацию. Нет, оно является ее *разрешением*, становится ее *оценивающим итогом*, и в то же время необходимым условием ее дальнейшего идеологического *развития*» [Волошинов 1930: 76]. Число возможных ситуаций потенциально бесконечно, соответственно стремится к бесконечности и количество интерпретаций, одна из которых может быть актуализирована в процессе реального общения. В этом отношении восприятие сообщения адресатом имеет решающее значение.

- (1) «...в ту эпоху, да и до сравнительно недавнего времени, считалось, что дельфин — это вид левиафана» [Мелв.].

СКС₁: Сейчас дельфин не считается видом левиафана;

СКС₂: Дельфин не является видом левиафана.

- (2) «Когда АвтоВАЗ планирует начать производство автомобилей?» [вопрос на интернет-форуме АвтоВАЗа].

СКС₁: В настоящее время АвтоВАЗ выпускает не автомобили;

СКС₂: То, что производит АвтоВАЗ, — не автомобили.

- (3) «*Даже* Принц Яр-Тур спросонья забыл о приличиях и произнес несколько бранных, по его понятиям, слов» [Усп.].

СКС₁: Возмущался не один Принц;

СКС₂: Принц крайне редко забывает о приличиях.

- (4) «Конечно, это [речь идет об автомобиле Mercedes-Benz S600 Biturbo] все еще не Bentley и *даже не* “семерка” BMW, но, по крайней мере, придраться особо не к чему» [журн.].

СКС₁: «Семерка» BMW лучше, чем Mercedes-Benz S600, Bentley лучше BMW;

СКС₂: Mercedes-Benz S600 по качеству приближается к BMW и Bentley.

- (5) «...он [Джеймс] теперь всегда говорил об этой стране [о Тибете] в прошедшем времени, словно об исчезнувшей цивилизации» [Мерд.].

= Сейчас Джеймс говорит о Тибете в прошедшем времени...

СКС₁: Раньше Джеймс не говорил (*или*: раньше не всегда говорил, говорил иногда) о Тибете в прошедшем времени;

СКС₂: Тибет не является исчезнувшей цивилизацией.

- (6) «Я вижу, что ты просто *хочешь казаться* счастливым».

СКС₁: Ты не счастлив.

СКС₂: Ты стремишься не к счастью, а его видимости.

Обращают на себя внимание и попытки говорящих в ряде случаев свести к минимуму возможность неправильного понимания. В этом случае мы имеем дело с оговорками, уточнениями, перифразами:

- (7) «Особенно порадовало меня твое письмо тем, что ты не сомневаешься, что я все еще люблю тебя. *“Все еще”* здесь *неуместно*. Моя любовь к тебе живет в каком-то нескончаемом настоящем...» [Мерд.].
- (8) «Она была *(и сейчас осталась)* хорошей актрисой и очень неглупой женщиной. *(Эти слова не всегда сочетаются.)*» [Мерд.].
- (9) «...трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. *Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок*» [Булг.].
- (10) «Почему это, когда включаешь радио, сразу слышно, что говорит актер? Потому что все у него пошло, театр — это храм пошлости. Лишнее доказательство, что мы не хотим говорить о серьезных вещах, *а скорее всего и не умеем*» [Мерд.].
- (11) «Это не кажется смешным, это *действительно смешно*» [рекл.].
- (12) «Храните деньги в сберегательной кассе, *если они у вас, конечно, есть*» [х/ф «Иван Васильевич меняет профессию»].
- (13) «“Информационное” насилие. Цель — просвещение, знакомство с положительными и отрицательными сторонами жизни, “расширение сознания”, средством выступает *(или в идеале должна выступать)* объективная подача информации» [Т. В. Шипунова].
- (14) «...славный Амадис Галльский был одним из лучших рыцарей в мире. *Нет, я не так выразился: не одним из, а единственным,*

первым, непревзойденным, возвышавшимся над всеми, кто только жил в ту пору на свете» [Серв.].

Непреднамеренная имплицитность, которая в примерах (7-14) снимается говорящим, может привести к коммуникативной неудаче, что видно в диалогах (15, 16).

- (15) «— Хорошая работа, Джон.
— У меня был хороший учитель.
— *Черта с два. Лучший*» [х/ф «Стиратель», США].

- (16) «— У тебя есть коньяк? — спросила Ольга.
— Коньяк... что? Есть.
— Хороший?
— *А он плохим не бывает. Если это коньяк*» [С. Лукьяненко].

И все же в процессе познания действительности мы принимаем некоторые свойства окружающих нас объектов за неотъемлемые, являющиеся обязательными для всех объектов класса. Совокупность «обычных» признаков одного объекта составляет его образ в нашем сознании (концепт) и, как правило, не нуждается в вербализации. Зато вербализуются те признаки, которые не являются «обычными». Данное положение можно продемонстрировать также на явлении, обозначенном в англоязычной лингвистике термином «retronym». Ретроним — особая разновидность неологизма: новое слово или фраза, созданные для уже зафиксированного в языке объекта действительности или концепта, чье первоначальное наименование стало использоваться для чего-то еще или не является более уникальным. Вот несколько примеров ретронимов: «*черно-белый телевизор*» (изначально все телевизоры были черно-белыми, поэтому для того, что сегодня мы называем «черно-белым телевизором», достаточно было одного слова; появление цветных телевизоров стало причиной возникновения ретронима); «*обычный, пленочный фотоаппарат*» (появились цифровые фотоаппараты);

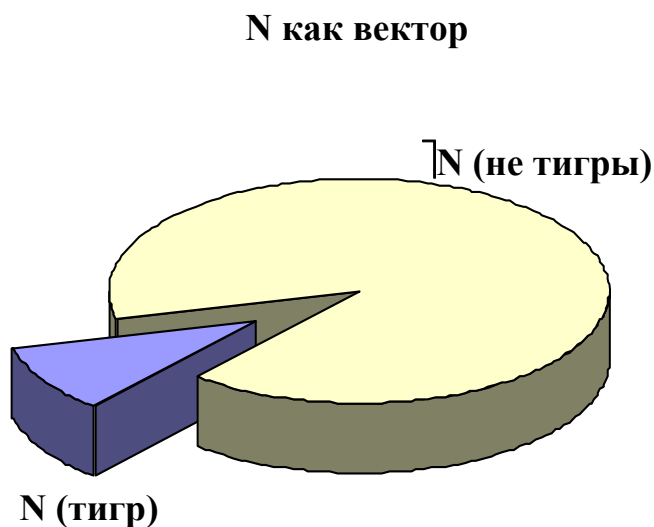
англ. «*sit-down restaurant*» (появились рестораны быстрого питания — *fast-food restaurants, take-out restaurants*); *англ.* «*snail mail*», или «*paper mail*» (появилась электронная почта — *electronic mail, e-mail*).

Интересно отметить, что сочетания типа «“обычный” + первоначальное имя» («обычный телевизор», «обычный фотоаппарат» и т. п.) со временем меняют свое значение. Если раньше «обычным телевизором» был телевизор черно-белый, то теперь цветной. Равно как и «обычным фотоаппаратом» сегодня уже является цифровой, а не пленочный.

Безусловно, отсутствие соответствия между планом выражения и планом содержания может быть вызвано как лингвистическими, так и нелингвистическими причинами. Между тем, в большинстве случаев перенос высказывания из одной ситуации общения в другую не влияет на перлокутивный эффект. Так, возможная реакция «*Только сегодня?*» на комплимент «*Ты сегодня прекрасно выглядишь*» не обусловлена контекстом.

В этом отношении важно отметить, что именно отклонение от «обычного» положения дел является причиной для инициации процесса коммуникации. Для понимания того, каким образом представление говорящего о действительности «сворачивается» в высказывание, рассмотрим сущность процесса номинации.

Называя что-либо, человек не просто устанавливает некоторую связь между означаемым и означающим, он создает картину мира, структурирует ее. В языках номинативного строя имя выделяет, отграничивает какой-то объект, ставит предел между *тем, что названо*, и *тем, что не названо*. Если для нелингвиста имя «*тигр*» означает дикого хищного зверя (значение как объем), то для лингвиста само существование этого имени должно означать, прежде всего, факт выделения некоей *сущности* из *множества сущностей* (значение как вектор). Интересно отметить, что данное противопоставление нашло отражение и в типологии лингвистических словарей: на вопрос, *что означает слово «тигр»*, отвечает толковый словарь, тогда как *факт выделения тигров из множества прочих животных* фиксируется в словаре идеографическом.

На рисунке 1 и далее меньшая область диаграммы соотносится с вербализованной частью высказывания. Большая область, в свою очередь, есть имплицуемая информация.

Сформулируем нашу мысль в виде правила логического вывода:

1. Если верно, что говорящим вербализовано имя N, то также верно, что существует *как минимум* один объект, от которого отграничен объект, обозначенный именем N.

Эту мысль можно соотнести с идеей Ф. де Соссюра о ценности языкового знака: слово «существует лишь в меру своего соотношения и противопоставления с ассоциируемыми с ним словами» [Соссюр 2004: 44]. Язык при таком подходе понимается как «система, основанная на психическом противопоставлении акустических впечатлений, подобно тому как художественный ковер есть произведение искусства, осуществленное путем зрительного противопоставления нитей различных цветов; и для анализа такого художественного произведения имеет значение игра этих противопоставлений, а не способы окраски ковра» [там же: 52]. Здесь же необходимо отметить восходящее к В. фон Гумбольдту утверждение об отражении представлений о

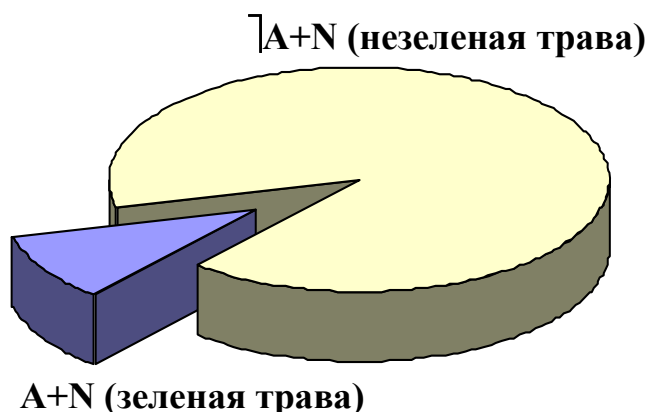
взаимосвязанности объектов и явлений действительности в тезаурусе носителя данной культуры и данного языка [Долинин 1983: 38].

Аналогичным образом любое слово, обладающее признаком адъективности, имплицитно подразумевает существование подобного объекта, но с другими свойствами: причастие (*пишущий человек*), местоимение (*мой карандаш*), имя существительное (*запах дерева*).

Словосочетание «зеленая трава» говорит о том, что не вся трава — зеленая, она может быть и иного цвета. В противном случае не было бы смысла обозначать словосочетанием то, что можно было бы без ущерба для смысла обозначить одним словом. В том случае, если бы действительно вся трава была *только* зеленая, но мы все равно использовали словосочетание, это противоречило бы принципу экономии речевых усилий, так как в норме для выполнения текущих целей диалога высказывание содержит *не меньше* информации, чем требуется, *но и не больше* [Грайс 1985]. Соответственно, интерпретатор текста исходит из предположения, что если *нечто* сказано, значит, на то есть причины. Последние обусловлены языковой личностью говорящего и языковой картиной мира: в языке отражается человеческий опыт, и сама возможность сказать «зеленая трава» говорит о том, что в совокупном опыте русскоязычных людей есть информация о разноцветье травы.

Рисунок 2.

А как вектор

2. Если верно, что говорящим вербализована характеристика А объекта N, то также верно, что во множество объектов, обозначенных именем N, как минимум входит такой объект, который обладает признаком -А.

Еще более прозрачной для понимания наша идея станет, если обратиться к анализу словосочетаний, в состав которых входят имена прилагательные «*предыдущий*», «*предшествующий*», «*прежний*», «*прошлый*», «*старый*», «*будущий*», «*новый*», «*очередной*», «*последующий*», «*последний*», «*конечный*» и т. п., местоимения «*этот*», «*тот*», «*другой*», «*иной*», «*прочий*» и ряд других, порядковые числительные («*первый*», «*второй*» и проч.). В подобных словосочетаниях наилучшим образом прослеживается идея неединственности, неуникальности:

(17) «В маленьком купе *первого* класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше» [Бун.].

СКС: Есть купе других классов.

(18) «*Новый* виток твоей красоты» [рекл.].

СКС: Этот виток не единственный.

(19) «Этому угрюмому скептику претили шумные похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия *очередной* тайны он от души развлекался, уступив свои лавры *какому-нибудь* служаке из Скотленд-Ярда, и с язвительной усмешкой слушал громкий хор поздравлений не по адресу» [К.-Дойл].

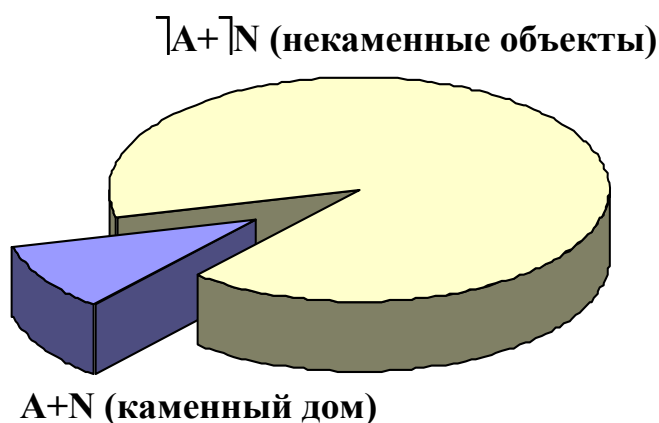
СКС: Раскрыта не одна тайна; в Скотленд-Ярде служит не один человек.

С другой стороны, вербализация характеристики объекта уместна в том случае, если иные объекты, не составляющие с описываемым объектом единый класс, не обладают этой же характеристикой. Так, словосочетание «*зеленая трава*» возможно только тогда, когда говорящий воспринимает и другие цвета,

когда вокруг него есть объекты иных цветов. Словосочетание «каменный дом» потеряло бы смысл, если бы все было каменным:

Рисунок 3.

А как вектор

3. Если верно, что говорящим вербализована характеристика А объекта N, то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N, не обладает признаком А.

Неуникальность, неединственность предмета, явления имплицитно и включает в группу:

(20) «Леонид Парфенов — *один из* лучших продюсеров и ведущих на телевидении» [б. и.].

СКС: Л. Парфенов не является лучшим продюсером и телеведущим; есть другие хорошие ведущие и продюсеры.

(21) «Два вышеназванных фильма интересны фигурой американского актера Джона Малковича, которого называют *одним из* самых интеллектуальных актеров Америки...» [журн.].

СКС: Джон Малкович не единственный интеллектуальный актер Америки; кроме Дж. Малковича есть и другие интеллектуальные актеры.

- (22) «Звучание Thomson *одно из* лучших в тесте, хотя особо бархатных низов мы не слышали» [журн.].

СКС: Звучание Thomson не лучшее в тесте; другие акустические системы тоже хорошие.

- (23) «Сейчас поздний вечер, я сижу наверху, зажег две лампы — новую и *одну из* старых» [Мерд.].

СКС: Старых ламп несколько, новая — одна.

Отметим и обратное явление, когда определение перед именем намеренно не употребляется. В романе «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла приводится список продуктов, взятых в плавание. В этом списке, помимо прочего, упоминаются «*24 000 фунтов тексельского и лейденского сыра*» и «*144 000 фунтов сыра (видимо, низкосортного)*». Делая вывод, что во втором случае говорится о низкосортном сыре, автор тем самым определяет тексельский и лейденский сыры как сыры высшего сорта. Впрочем, интересно уже само по себе разделение сыров на типы: с указанием и без указания сорта.

Отсутствие некоей характеристики предмета речи имплицитно используется использованием глаголов восприятия, указывающих на сходство, похожесть («*выглядеть*», «*казаться*»), включением модальных слов и синонимичных им выражений («*хотеть*», «*пытаться*», «*думать*», «*полагать*», «*считать*», «*изображать*» и т. д.):

- (24) «Абсолютно в этом с Вами согласен. Такая постановка вопроса *выглядит* корректней» [сообщение на интернет-форуме].

СКС: Такая постановка вопроса [возможно] не является корректной.

- (25) «Я вытащил снимок из конверта и разглядел цветную фотографию миловидной, умненькой *на вид* девочки, большеглазой, с нежным, застенчивым, еще не определившимся лицом» [Мерд.].

СКС: Девочка [возможно] не умна.

- (26) «Что скажете вы, матросы? Готовы ли вы ударить по рукам? *С виду вы храбрые люди*» [Мелв.].

СКС: Вы [возможно] — трусы.

- (27) «Ты говоришь *как будто* и умные вещи, но это все сотрясение воздуха» [Мерд.].

СКС: Ты [возможно] говоришь неумные (глупые) вещи.

- (28) «Что ты ведешь себя *как* неродной?» [б. и.].

СКС: Тот, о ком говорят, — родной человек.

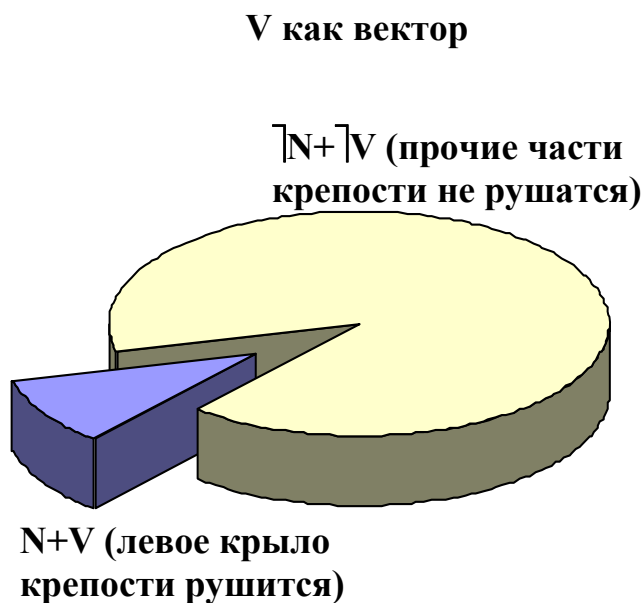
- (29) «Он плачет, *как* простой человек» [Ион.].

СКС: Тот, о ком говорят, — непростой человек.

Потребность в выражении идеи процесса или состояния стала причиной появления двух языковых категорий — имени и глагола. Есть основания полагать, что изначально функции современного имени (обозначение сущности) и современного глагола (указание на действие, совершаемое этой сущностью, или ее состояние) были слиты в одном звукокомплексе. Во-первых, это утверждение вполне соотносится с идеей о схожести процессов развития языка и усвоения языка ребенком, поскольку, как отмечает Л. С. Выготский, первые слова ребенка — это не те слова, которые мы имеем в виду, когда говорим о лексиконе взрослого. Первые детские «слова» относятся не к отдельному объекту, действию или состоянию, а к ситуации, мыслимой как целое: «Известно, что внешняя сторона речи развивается у ребенка от слова к сцеплению двух или трех слов, затем к простой фразе и к сцеплению фраз, еще позже — к сложным предложениям и к связной, состоящей из развернутого ряда предложений речи. Но известно также, что по своему значению первое слово ребенка есть целая фраза — односложное предложение. В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с предложения, и только позже переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями

отдельных слов, расчленяя свою слитную, выраженную в однословном предложении мысль на ряд отдельных, связанных между собою словесных значений. Таким образом, если охватить начальный и конечный момент в развитии семантической и физической стороны речи, можно легко убедиться в том, что это развитие идет в противоположных направлениях. Смысловая сторона речи идет в своем развитии от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению» [Выготский 2001: 289]. Во-вторых, психолингвистические эксперименты показали универсальность некоторых из характеристик невербального, «глубинного» синтаксиса. Было отмечено, что авербальное общение представляет собой поступательное (пошаговое) ограничение действительности. Сначала выделяется некая область действительности, к ней привлекается внимание зрителя, лишь затем показывающий «описывает» эту область действительности. К последующему шагу показывающий переходит, уверившись, что предыдущий был понят зрителем (зрителями) [Горелов 2003: 176].

Можно предположить, что при переводе этих первичных звукокомплексов на современный язык, мы получили бы высказывания типа «это есть *x*», «это есть *y*». Потребность в обозначении не только некоего объекта, его существования, но и того процесса, который соотносился с этим объектом, и стала причиной развития категорий имени и глагола. Это позволило, обрисовывая фрагмент действительности, показать изменение некоторого объекта. Иными словами, если имя выделяет объект действительности из множества всех объектов, констатирует существование этого объекта, то глагол показывает изменения, происходящие с этим объектом.

4. Если верно, что говорящим вербализован процесс V, соотносимый с объектом N, то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N, не соотносится с процессом V.

С одной стороны, это объясняет, почему глаголы типа русского «*быть*», английского «*to be*», французского «*être*», немецкого «*sein*» выполняют роль глаголов-связок, а в своем первоначальном значении часто опускаются в разговорной речи. С другой стороны, если неким объектом совершается действие V, но параллельно это действие совершается также другими объектами, потребности в вербализации этого действия нет. Например, в гипотетической ситуации обороны крепости одновременно рушатся стены. Тогда фраза «*Левое крыло рушится*» неуместна, поскольку рушатся все стены. Более уместно в этом случае вместо указания на единичный объект использовать обобщающее слово, наиболее употребительное из которых в русском языке — «*всё*».

Поскольку характер совершаемых действий различен, часто вербализуется и образ действия. Потребность в этом возникает в том случае, если характер совершаемого одним объектом некоего действия отличается от «обычного» характера совершения этого действия. Так, наречие во фразе «*Лодка плыла быстро*» необходимо только в одном из двух случаев. Во-

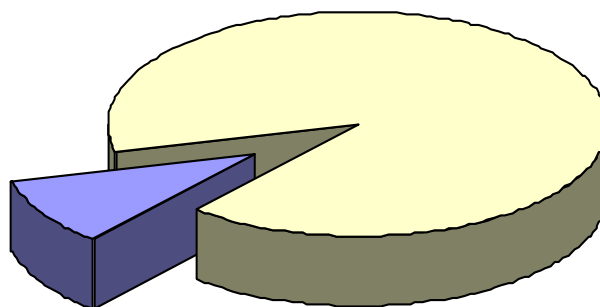
первых, если обычно эта лодка не плавает быстро (в этом случае потребовалось бы уточнение «как обычно», «как всегда»). Во-вторых, если не все плавущие объекты перемещаются с подобной скоростью.

Внесем изменения в приведенный выше пример с обороной крепости: пусть один из обороняющихся произнесет фразу «*Левое крыло рушится слишком быстро*». Эта фраза будет уместной только в том случае, если другие части крепостной стены рушатся не с той же скоростью или не рушатся вовсе.

Рисунок 5.

Adv_m как вектор

⌈N+⌈V+Adv_m (прочие части крепости не рушатся быстро)

N+V+Adv_m (левое крыло крепости рушится быстро)

Выразим сказанное выше в правилах логического вывода.

5. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m, то существует *как минимум* еще один способ совершения этого действия — -Adv_m, более свойственный соотносимому с действием V объекту N.

(30) «Через десять лет <...> Хьюз перебрался в маленький городок Лас-Вегас и начал скупать пустыню в штатах Техас и Невада. А скупив изрядную площадь, он отстроил там промышленную империю и стал жить *в изоляции по им же одним установленным правилам*» [журн.].

СКС₁: жить можно не только в изоляции;

СКС₂: жить можно не только по своим правилам.

- (31) «Биографы часто пишут, что в детстве Леонардо [Ди Каприо — Д. Х.] *безотцовщиной* “слонялся по голливудским трущобам” и видел ужасы улиц» [журн.].

СКС: слоняться по голливудским трущобам можно не только безотцовщиной.

- (32) «Первые шесть месяцев 1823 года Давид Сешар буквально жил на бумажной фабрике вместе с Кольбом, если можно назвать жизнью полное пренебрежение к пище, одежде и самому себе. Он *так отчаянно* боролся с трудностями, что люди иного разбора, чем Куэнте, смотрели бы на него *с благоговением*, ибо никакие корыстные побуждения не руководили этим отважным борцом. Были минуты, когда он желал только одного: победы! *С чудесной прозорливостью* он наблюдал удивительные превращения веществ, когда природа как бы уступает человеку в своем тайном противодействии; из своих наблюдений он вывел замечательные технические законы, постигнув *путем опыта*, что добиться созидательной удачи можно, *только повинувшись сокровенной взаимосвязи явлений, которую он назвал второй природой вещей*» [Бальз.].

СКС₁: бороться с трудностями можно не отчаянно;

СКС₂: смотреть можно не с благоговением;

СКС₃: наблюдать удивительные превращения веществ можно без чудесной прозорливости и т. д.

6. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m, то также верно, что большая часть объектов, противопоставленных соотносимому с действием V объекту N, совершают это действие иным(и) способом(ами) — -Adv_m.

Последнее правило было хорошо обыграно в афоризме В. Колечипкого: «Бог обещал Еве: “Рожать будешь в муках!” Можно подумать, что все остальное — удовольствие».

Можно констатировать, что импликация через распространение глагольной группы сходна с импликацией через распространение именной группы: чем более распространена группа, тем больше число возможных интерпретаций.

Отсутствие действия имплицуется благодаря использованию сослагательного наклонения или модальных конструкций:

(33) «Он *должен был* быть давно готов, всегда готов» [Ион.].

СКС: Он не готов.

(34) «Когда ж умчится ночи мгла, // И ты мои покинешь очи, — // О, *если бы* душа могла // Забыть любовь до новой ночи» [Пушк.].

СКС: Душа не может забыть любовь до новой ночи.

(35) «*Если бы* слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры...» [Пушк.].

СКС: Я не слушался одной своей охоты.

(36) «*Если бы* ты меня любил...»

СКС: Ты меня не любишь.

(37) «Он *мог* напоминать себе об этом каждый день...» [Ион.].

СКС: Не напоминал.

(38) «Придя в шок от московских цен, не спешి делиться возмущением с первым встречным. В столице принято вести себя так, *словно* ты можешь купить все, что угодно, но очень разборчив» [б. и.].

СКС: Ты *не можешь* купить что-то.

- (39) «[Модель Хомского] импонировала и лингвистам, и психолингвистам своей бросающейся в глаза оригинальностью, кажущейся динамичностью, она *как будто позволяла* сделать в лингвистике принципиальный шаг вперед» [А. А. Леонтьев].

СКС: Модель Хомского *не позволяет* сделать в лингвистике принципиальный шаг вперед.

Отсутствие действия, процесса имплицитруется также благодаря использованию глаголов типа «*хотеть*», «*пытаться*», «*помогать*», «*способствовать*»:

- (40) «В своей статье автор *пытается* выделить три принципа образования» [б. и.].

СКС: Автор [возможно] *не выделяет* три принципа образования.

- (41) «Наибольшую веру в свои силы проявило одно социологическое учение, вызвавшее к себе наибольший энтузиазм и по сие время составляющее вероисповедание многих миллионов людей, — учение Маркса и Энгельса, теория научного социализма. Это учение *хотело* доказать данными научного опыта неизбежность наступления социалистического способа производства, составляющего вместе с тем и идеал современного человечества...» [С. Н. Булгаков].

СКС: Теория научного социализма *не доказала* данными научного опыта неизбежность наступления социалистического способа производства.

- (42) «Объявление в аэропорту: “*Хотел* совершить посадку самолет, выполнявший рейс № 13”» [фольк.].

СКС: Самолет *не совершил* посадку.

- (43) «Эта программа *помогает* контролировать признаки старения» [рекл. Controlling Skincare Program].

СКС: Сама по себе программа Controlling Skincare *не контролирует признаки* старения. Речь вовсе не идет о старении.

- (44) «Volvo. Автомобиль, который *поможет* вернуть вам доверие к машинам».

СКС: Скрытая информация: вы потеряли доверие к машинам, и теперь только VOLVO может исправить положение.

Кроме того, отсутствие действия, процесса имплицитруется благодаря использованию глаголов типа «думать», «полагать», «считать», «изображать», «выглядеть»:

- (45) «Он *изображает* из себя честного человека» [В. В. Жириновский о Г. А. Явлинском].

СКС: Г. А. Явлинский — нечестный человек.

- (46) «...и те, кто *считает* себя абсолютно здоровым» [рекл.].

СКС: На самом деле здоровыми не являются.

Особое внимание стоит уделить глаголам типа «вернуться», «проснуться», «помириться», «воскреснуть», «восстановить», «возродить», «отремонтировать», «отреставрировать», «выздороветь», «успокоиться», общее значение которых — ‘привести в прежнее состояние’; ‘вернуть(ся) в прежнее состояние’. Поскольку использование этих глаголов уместно только в том случае, если было отклонение от нормы, высказывание, их содержащее, соотносится с тремя ситуациями. Первая ситуация — норма (M_p или M_n), вторая — отклонение от нормы (M_p или M_f), третья — возвращение к норме (M_n или M_f).

- (47) «В Киеве *отреставрировали* самолет, на котором человек впервые долетел до Северного полюса» [газ.].

СКС: Самолет, на котором человек впервые долетел до Северного полюса, был некоторое время назад в аварийном состоянии.

- (48) «В Эль-Фаллудже ВС США *договорились* с суннитами о перемирии, сообщает лента новостей Ha'aretz со ссылкой на катарский телеканал “Аль-Джазира”» [газ.].

СКС: Некоторое время назад ВС США находились в состоянии войны с суннитами.

- (49) «...Бен Ладен вновь отверг всякую возможность заключения мира с США. Одновременно с этим Бен Ладен *предложил* европейским странам *заклучить перемирие*, “если они прекратят свои нападки на мусульман”» [газ.].

СКС: В момент речи перемирия нет.

- (50) «Я упорно пытался *вспомнить* хоть что-нибудь об этой автокатастрофе, просто голова распухла» [Р. Железны].

СКС: Некоторое время назад говорящий не знал (не помнил) об автокатастрофе.

В глаголах этого типа наиболее отчетливо прослеживается связь с тремя ситуациями, разведенными во времени. Отметим, что полиситуативность, зафиксированная в семантике подобных глаголов, сохраняется и при образовании от них прилагательных:

- (51) «Премьера *отреставрированной* версии знаменитого советского кинофильма 1925 года “Броненосец Потемкин” состоится на Берлинском кинофестивале» [тв.].

- (52) «Наблюдение за *проснувшимся* вулканом прервано из-за аварии на сейсмостанции» [газ.].

- (53) «*Выздоровевшая* клетка еще помнит о своей болезни, задача Спирулины помочь ей забыть о патологии, подпитать ее энергетически, воздействуя на ДНК и РНК, сохранить биоэнергетический баланс информационного кода» [рекл.].

Возвращение к некоему состоянию или манере совершения действия выражается также при помощи слов «*вновь*», «*снова*»:

- (54) «*Вновь* лиры сладостной раздался голос юный, // И с звонким трепетом воскреснувшие струны // Несу к твоим ногам!..» [Пушк.].

СКС: Голос лиры раздавался и раньше.

- (55) «Онегин *вновь* часы считает, // *Вновь* не дождется дню конца» [Пушк.].

СКС: Онегин вел себя подобным образом и до этого момента.

- (56) «Тот ураган прошел. Нас мало уцелело. // На переключке дружбы многих нет. // Я *вновь* вернулся в край осиротелый, // В котором не был восемь лет» [Есен.].

СКС: Возвращался и раньше.

- (57) «Решусь; влюбленный говорун, // Касаюсь *вновь* ленивых струн; // Сажусь у ног твоих и *снова* // Бренчу про витязя младого» [Пушк.].

- (58) «И воспоминание о том, что я от него слышал там, под сенью терпеливых лесов, когда за моей спиной двигались рогатые тени и пылали костры, — это воспоминание *снова* всплыло, я *вновь* услышал отрывистые фразы, зловещие и страшные в своей простоте» [Конр.].

Здесь, как и в примерах (51-53), высказывание соотносится сразу с тремя ситуациями. Одна из них (как правило, настоящее время) является точкой

отсчета, две другие — периоды прошлого, для более раннего из которых характерно совершение некоего действия, тогда как для более позднего совершение этого действия нехарактерно.

2.2. Полиситуативность содержательной стороны высказывания

О взятом в отдельности материальном объекте нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате пространственно-временной координации материальных объектов и их состояний. Если при пространственной координации один объект характеризуется относительно другого, то временная координация устанавливает отношения между состояниями данного объекта, вне его связи с другими объектами [Гак 1973: 359-360]. Иными словами, содержательная сторона высказывания не ограничивается фрагментом действительности (ситуацией), а отражает представление говорящего о действительности в целом (совокупности ситуаций). Поскольку речь есть реализация языковых потенций, язык может быть определен как полиситуативное пространство.

Контур концепции языка как полиситуативного пространства были очерчены в монографии Н. Б. Лебедевой *«Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов)»*. Автор отмечает, что «случаев, когда в речи описывается одна ситуация, в принципе мало» [Лебедева 1999: 35]. Полиситуативность как универсальная языковая категория охватывает как лексику, так и грамматику [там же: 3], но поскольку исследуется лексический уровень языка, наибольший интерес для автора представляет глагол как ядро полиситуативности. В силу метонимической природы семантики глагола содержательная сторона глагола не ограничивается ассертивной ситуацией, но включает также связанные с ней различными отношениями смежные ситуации. Так, глаголы *перешить*, *отдарить*, *раздумать* и проч. соотносятся не с одной, а, по меньшей мере, с двумя

ситуациями: *перешить* = *шить* (первый раз) и *перешить* (сшить заново и по-новому), *отдарить* = *дарить* и *дарить* (в ответ на подарок) и т. д. [там же: 62].

Ситуации, составляющие содержательную сторону глагола, имеют разный коммуникативный статус: одна из ситуаций находится в ассертивной части, а другие остаются «в тени», «за кадром», т. е. представлены *имплицитно*. Сама ассертивная ситуация может иметь ретроспективный (глаголы с «направленностью взгляда назад»: *вернуть*, *освободить*, *мстить*, *выучить*, *узнать*, *вспомнить*, *забыть* и т.д.) и проспективный планы (глаголы, содержащие «воспоминание о будущем»: *обещать*, *угрожать*, *заготовить*, *бояться*, *предполагать* и т.д.) [там же: 4].

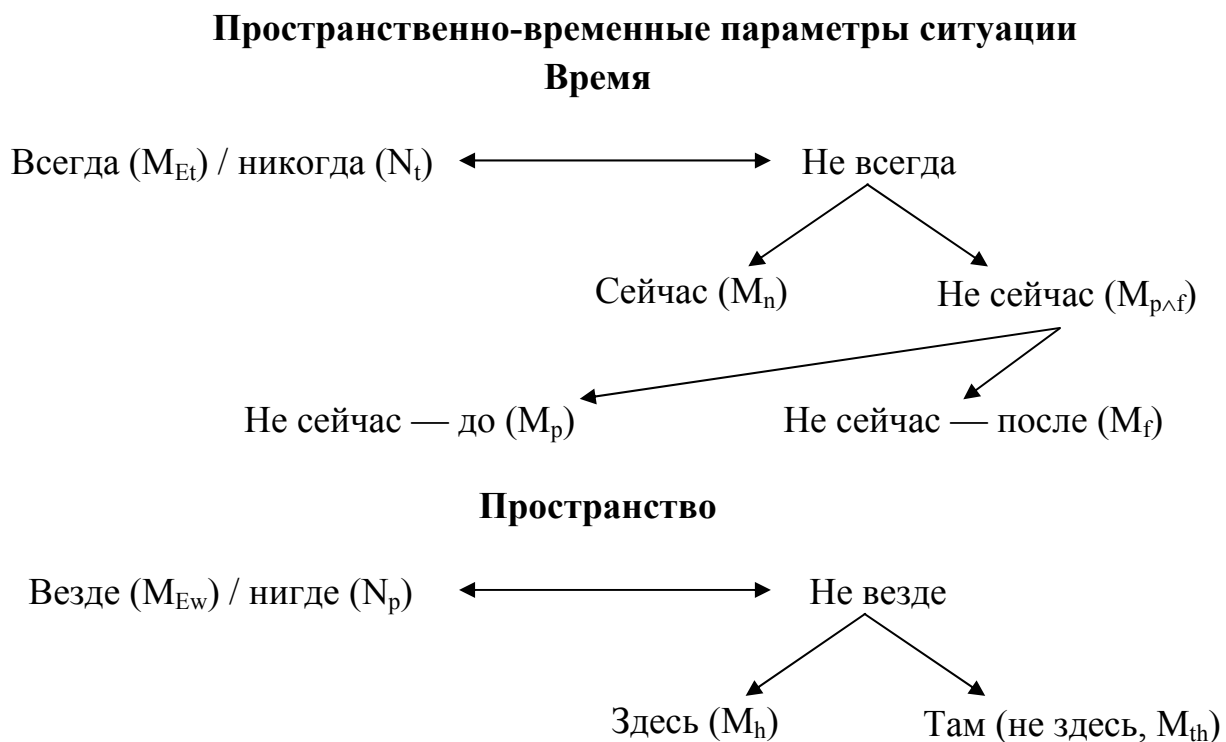
В работе Н. Б. Лебедевой прослеживается интерес, прежде всего, к самому факту передачи содержания о некоем множестве ситуаций в максимальном отвлечении от конкретно-языкового способа их изображения, что и послужило причиной предположения о необходимости различения двух типов таксиса — морфолого-синтактико-лексического («классический таксис» в понимании Р. О. Якобсона) и семантико-морфемного («второй таксис», «таксис-2») [там же: 62].

Полиситуативность глагольной семантики, на которую обратила внимание Н. Б. Лебедева, есть результат фиксации грамматикой языка полиситуативности семантики клаузы в целом. Поскольку соотношенность клаузы со временем и пространством в русском языке задается глагольной группой, противопоставление морфолого-синтактико-лексического и семантико-морфемного таксисов не представляется нам необходимым.

Ситуация образуется в результате пространственно-временной координации материальных объектов и их состояний (о взятом в отдельности материальном объекте нельзя сказать, что он существует). Но содержательная сторона высказывания не ограничивается фрагментом действительности (ситуацией), а отражает представление говорящего о действительности в целом (совокупности ситуаций). Поскольку речь есть реализация языковых потенций, язык может быть определен как полиситуативное пространство.

Любое высказывание на естественном языке обязательно содержит указание на то, ограничен ли описываемый фрагмент действительности во времени и пространстве. Если он ограничен, то промежуток времени и область пространства проговариваются, чем указывается, что описываемое в высказывании положение дел имело место не всегда и не везде.

Схема 1.

Как промежуток времени, так и область пространства потенциально могут конкретизироваться бесконечно: *не сейчас* → *вчера* → *вчера вечером* → *вчера вечером, после заката* → *вчера вечером, после заката, когда небо было еще кроваво-красным*; *здесь* → *в Челябинске* → *на Северо-Западе Челябинска* → *в одном из скверов на Северо-Западе Челябинска* → *под старым тополем в одном из скверов на Северо-Западе Челябинска* и т. п. Независимо от степени детализации как промежуток времени, так и область пространства рассматриваются слушающим как единое целое. Если в высказывании указывается, что некое действие происходило «*вчера вечером, после заката, когда небо еще было кроваво-красным*», то «*вчера вечером, после заката, когда небо уже не было кроваво-красным*», данное действие не совершалось.

Слова «здесь», «сейчас» и противопоставленные им «не здесь», «не сейчас», используются в качестве элементов уравнений. Так, область пространства «*под старым тополем в одном из скверов на Северо-Западе Челябинска*» может быть заменена для удобства анализа указателем «здесь» или его логическим эквивалентом — M_h .

В дальнейшем для обозначения языковой единицы, соответствующей отрезку действительности, мы будем использовать термин *клауза*. Мы вводим этот термин в свои теоретические построения, чтобы снять терминологические противоречия, вызванные природой терминов *высказывание* и *предложение*, которые не представляются нам приемлемыми. Термин *предложение* («sentence») как в отечественной, так и в европейской лингвистике является многозначным: с одной стороны, возможен формальный подход к пониманию термина (в письменном тексте — развернутое синтаксическое построение от точки до точки), с другой — смысловой (единица сообщения, обладающая значением предикативности) [Шведова 1998: 395]. Объем понятия *высказывание* («utterance») четко не определен: высказывание может иметь различный объем — от одного слова до романа в 600 страниц (В. Скаличка, З. С. Хэррис и др.) [Гак 1973: 349]. Чтобы избежать терминологических противоречий, для обозначения минимальной смысловесущей единицы языка и речи далее мы будем использовать понятие *клауза* («clause»). Введение термина «клауза» в лингвистический обиход сузило сферу применения термина «предложение». Клауза — грамматическая единица, включающая как минимум предикат, явный или скрытый субъект и выражающая пропозицию [Hartmann 1972: 137]. *Клауза* представляет для лингвистов интерес еще и потому, что в отличие от слова как языковой единицы она однозначна.

Особо стоит отметить то, что, оперируя понятием «клауза», мы не сводим предлагаемую форму анализа к членению высказываний на семантические предложения. С одной стороны, это серьезным образом утяжелило бы процедуру анализа, с другой стороны, подобное членение в естественных условиях не является элементом речемыслительной деятельности (что

объясняет существование истинностных высказываний типа «*Иван знает, что Нью-Йорк — столица США*»). Отметим также, что любой компонент клаузы в реальной ситуации общения может быть развернут в отдельную (зависимую) клаузу. Однако с функциональной точки зрения разница между компонентами «*вчера*» и «*когда позвонила Елена*» в высказываниях «*Вечером я спал*» и «*Когда позвонила Елена, я спал*» заключается лишь в степени детализации при указании временного промежутка.

Что касается категорий «высказывание» и «предложение», то следует отметить, что они равновелики, могут состоять из нескольких клауз, но не изоморфны. С высказыванием мы имеем дело только в живой речи, соответственно, изучение высказывания возможно только вкупе с ситуацией общения. В этом случае мы выходим на понятие дискурса, когда степень глубины включенности ситуации общения в лингвистический анализ ограничивается лишь задачами конкретного исследования и методологической обеспеченностью.

Наше понимание высказывания совпадает с «фразой» С. Карцевского, которая не имеет собственной, отличной от предложения грамматической структуры. Но если для С. Карцевского (и структуралистской лингвистики в целом) характерно представление о высказывании как результате актуализации предложения, его приспособления к определенной реальности [Гак 1973: 350], то мы идем в обратном направлении — от высказывания, включенного в ситуацию общения, к предложению. В этом смысле утверждение, что смысл текста не сводится лишь к сумме формально выраженных эксплицитных значений, оказывается гораздо глубже: смысл не составляется из значений, как организм не строится из отдельных органов, — по отношению к значению смысл первичен.

Предложение (изолированное высказывание) доступно формальному анализу, позволяющему рассмотреть структуру высказывания, взаимосвязь его компонентов, специфику функционирования в речи. Более того, анализ предложений позволяет выделить в структуре высказывания те элементы,

которые в силу своей стабильности и воспроизводимости позволяют людям понимать друг друга.

Можно сказать, что анализ предложения направлен на изучение формы (общей абстрактной схемы синтаксической организации), тогда как анализ высказывания — на изучение содержания (связь с ситуацией) [Гак 1973: 352]. Это очень важный аспект, который необходимо постоянно держать в поле зрения: семантический анализ изолированного предложения может дать нам лишь набор вариантов того, как это предложение может быть понято.

Здесь важно отметить предложенное И. Р. Гальпериным разграничение понятий «содержание», «смысл» и «значение»: «Содержание как термин грамматики текста будем относить лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл — к мысли, сообщению, заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве; значение — к морфемам, словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям» [Гальперин 2005: 20]. И далее: «Содержание — наиболее общее понятие, которое в терминологическом плане идентично семантике. Поэтому, когда мы говорим о содержательной стороне словесного знака, мы имеем в виду его значение. Значением обладают морфемы (но не фонемы), слова и словосочетания. Содержательная сторона предложения — это его смысл; семантика предложения кардинально отличается от семантики словесного знака» [Гальперин 2005: 39].

Мы берем из работ И. Р. Гальперина противопоставление смысла и значения, однако соотносить будем смысл — с мыслью, заключенной в *высказывании*; значение — с морфемами, словами и словосочетаниями.

«Смысл не обязательно является результатом механического сложения течений отдельных компонентов предложения или сверхфразового единства. Подобно тому как слово своими значениями представляет собой “кусочек действительности”, смысл представляет собой “кусочек содержания”... Как смысл не является механическим сложением значений слов и конструкций, хотя и выводится из них, так содержание не есть сумма смыслов (предложений и сверхфразовых единств), хотя и выводится из них. Смысл по своей природе

не коммуникативен или же коммуникативен потенциально... Содержание по своему назначению коммуникативно, поскольку оно обладает признаком завершенности» [Гальперин 2005: 21].

Отметим также существование концепций, в которых постулируется значение как употребление и не признается объективное существование слова (А. А. Потебня) и существование смысла, соотносимого с предложением, рассматриваемым вне текста (В. А. Звегинцев).

2.3. Характер противопоставленности явной и скрытых ситуаций в содержательной стороне высказывания

2.3.1. Лингвистическое выражение категории времени

Категория времени, на наш взгляд, должна прежде быть описана в бинарной оппозиции «сейчас» vs. «не сейчас», после чего второй член оппозиции может быть детализован как «не сейчас — до» (прошлое) и «не сейчас — после» (будущее). Такой подход позволяет объединить прошлое и настоящее время в единую категорию, противопоставленную времени настоящему. Сопоставимая оппозиция прошлого и будущего настоящему (моменту речи) прослеживается в следующих примерах.

I. Противопоставление «не сейчас — до» моменту речи:

- (1) «Таких людей, как Ларс Кристенсен, раньше называли коммивояжерами» [журн.].

СКС: Теперь (сейчас; в настоящий момент) их так не называют.

- (2) «Лиззи, не говори глупостей, ты раньше не была глупой...» [Мерд.].

СКС: Теперь (сейчас; в настоящий момент) ты глупа.

- (3) «Честное слово, это уже просто смешно. В прежние времена никогда не бывал смешон. У тебя были достоинство и стиль» [Мерд.].

СКС: Теперь (сейчас; в настоящий момент) у тебя нет достоинства и стиля.

В этом отношении показательно уточнение «*и являются сейчас*» в (4):

- (4) «...лингвистика, равно как и другие науки (в первую очередь, гуманитарные), своим предметом желает видеть нечто, имеющее непосредственное отношение к смыслу. Все существующие и существовавшие в лингвистике школы, течения и направления были таковыми (*и являются сейчас*) только потому, что они объединялись тяготением их представителей к единообразной постановке вопроса о смысле» [О. Лещак].

II. Противопоставление «не сейчас — после» моменту речи:

- (5) «— Или ты, допустим, захотел своих сыновей повидать прямо с печки — пожалуйста, включил видеоприемник, настроился на определенную волну — они здесь, разговаривай. Захотелось слетать к дочери, внука понячить — лезешь на крышу, заводишь небольшой вертолет — и через какое-то время икс ты у дочери... А внук... ему сколько?
— Восьмой, однако.
— Внук тебе почитает “Войну и мир”, потому что развитие будет ускоренное. А медицина будет такая, что люди будут до ста — ста двадцати лет жить» [Шукш.].

СКС: Сейчас (в настоящий момент) нет видеоприемников, персональных вертолетов и ускоренного развития детей, а уровень медицины не позволяет жить до ста — ста двадцати лет.

- (6) «Не спать семнадцать часов подряд — то же самое, что выпить бутылку водки. Мозг перестает адекватно работать и соображать» [журн.].

= *После того как* не будешь спать семнадцать часов подряд...

СКС: До отсутствия сна (*условно настоящий момент*) мозг адекватно работает и соображает.

- (7) «Еще труднее тем, кто страдает бессонницей: если с ней не бороться, может наступить депрессия, причем в тяжелых формах» [журн.].

СКС: В условно настоящий момент у страдающих бессонницей нет депрессии.

- (8) «Главная награда за поход в спортзал — дальнейший поход по магазинам. Когда представляешь, что сможешь купить вещи, в которые не могла раньше влезть, да к тому же они сидят великолепно, начинаешь чувствовать себя намного уверенней» [журн.].

СКС: Сейчас (в настоящий момент) ты не можешь купить себе многие вещи, они плохо на тебе сидят, вследствие чего чувствуешь себя неуверенно.

В свою очередь, настоящее время противопоставляется либо времени прошедшему, либо времени будущему.

III. Противопоставление момента речи «не сейчас — до»:

- (9) «Я уже довольно долго просидел в красной комнате, где мне наконец-то удалось растопить камин. Сегодня он [плавник* — Д. Х.] не дымит — то ли одумался, то ли просто дрова подсохли» [Мерд.].

* Плавник — то, что приливом выбросило на берег, например, куски дерева. Именно это слово в таком написании встречается в русском переводе романа А. Мердок «Море, море» (перевод Марии Лорие).

СКС: Раньше (вчера, до настоящего момента) плавник дымил.

- (10) «— Тебе сегодня лучше? — Каким-то образом возникла спасительная теория, будто она [Хартли] нездорова» [Мерд.].
- (11) «...теперь вы обливаетесь слезами, опускаете передо мной голову» [Ион.].

СКС: Раньше адресат не обливался слезами, не опускал перед говорящим голову.

- (12) «Море прорвало плотины и грозит затопить страну. Он [король — Д. Х.] больше не может его удержать» [Ион.].

СКС: Раньше (до момента речи) мог.

- (13) «Ввиду скорого окончания плавания настроение команды сделалось веселым и приподнятым» [б. и.].

= Сейчас настроение команды веселое и приподнятое...

СКС: Раньше (до момента речи) команда была не в духе.

- (14) «Вы *уже* не смотрите на меня с вызовом» [Ион.]; «Вы *уже* ничем не можете ему помочь» [Ион.].

СКС: Раньше адресат смотрел с вызовом. Вы могли помочь ему раньше.

В эту же группу примеров стоит включить частично проанализированную выше фразу «*Левое крыло рушится слишком быстро*». Очевидно, что эта фраза будет уместна, если скорость разрушения изменилась (возросла).

IV. Противопоставление момента речи «не сейчас — после»:

- (15) «Отца своего я не знаю *пока* и матери тоже...» [Усп.].
- (16) «В России *пока* сильны научные разработки» [радио].

СКС: В будущем российские научные разработки могут перестать быть конкурентоспособными зарубежным.

- (17) «— Тюленей еще не видали? — бодро спрашивает мистер Акрайт.
— Пока нет» [Мерд.].

СКС: Предполагается возможность увидеть тюленей позднее.

- (18) «Какой-то инстинкт, в котором я еще не успел разобраться, подсказал мне, что не стоит, или *пока* не стоит, разглашать, что падение мое произошло не случайно» [Мерд.].

СКС: Т. е. не разглашать некоторое время. Ср. «не стоит разглашать» (= вообще, никогда не разглашать) и «пока не стоит разглашать» (= некоторое время не разглашать; разглашать, но позже, спустя некоторое время).

В приведенных выше примерах отчетливо прослеживается противопоставление двух ситуаций по времени, указание на которое ограничивает «временную протяженность» действия. Так, говорение о прошлом (I) уместно только в том случае, если описываемая «былая» ситуация изменилась. Типовое проявление — воспоминание («*Вот раньше было...*»). С другой стороны, описание прошлого может не только имплицировать диаметрально противоположное положение дел в настоящий момент, но и усиливать некоторую характеристику описываемого объекта или ситуации в целом:

- (19) «Бритни Спирс к вопросу сна подходит серьезно — это у нее семейное. *Еще не будучи беременной*, певица любила поспать по двенадцать часов в день, даже во время гастрольного тура» [журн.].

СКС: И сейчас любит поспать.

Вторая группа примеров (II) также имплицировать различие двух ситуаций, противопоставленных по времени. Типовой пример — мечта («*Вырасту*

большой, стану...»). Как и в предыдущем случае, указание на будущее время может использоваться для усиления:

- (20) «*Так же будут* юноши писать // и стихи и прозу, // так же будут ветры задувать // и трещать морозы. // Все, что пело, будет впредь // так же петь, // достигая роста...» [А. Яшин].

СКС: И сейчас юноши пишут стихи и прозу.

Правомерность объединения в одной категории прошлого и настоящего подтверждается тем, что оборот «*[так же] как и сейчас*» равно употребим применительно к обоим временам:

- (21) «Белые были среди самых первых длинношерстных кошек, появившихся в Европе 300 лет назад, *и так же, как и сейчас*, были знамениты своими голубыми глазами» [б. и.].
- (22) «Если с первой категорией студентов-платников все ясно (они, *как и сейчас*, будут вольны, получив диплом, работать кем угодно или не работать вообще), то молодые россияне, обучавшиеся за счет государственных возвратных субсидий, будут вынуждены работать по распределению» [газ.].

В свою очередь, описание настоящего времени может также использоваться для усиления идеи о ситуации в прошлом или будущем. Маркерами «взгляда в прошлое» через призму настоящего (III) являются сочетания «*до сих пор*», «*все еще*» и т. п.:

- (23) «Адвокаты экс-президента Ирака Саддама Хусейна заявили, что *до сих пор* не могут ознакомиться с его делом» [газ.].

СКС: И раньше также не могли сделать этого.

- (24) «...я, возможно, *все еще* реагировал на него слишком болезненно» [Мерд.].

= И сейчас я реагирую на него слишком болезненно.

СКС: Раньше я [тоже] реагировал на него слишком болезненно.

Маркером «взгляда в будущее» через призму настоящего (IV) является союз «уже»:

(25) «*Уже* иду» [б. и.].

Маркером взгляда в отличное от «сейчас» время (как прошлое, так и будущее) является сочетание «*и сейчас*»:

(26) «Уверен, ты *и сейчас* красива» [б. и.].

СКС₁: Ты и раньше была красива.

СКС₂: Ты и в будущем будешь красива.

Пример (26) возвращает нас к идее противопоставления ситуаций, поскольку возможна еще одна интерпретация: «[Сделав то, что ты планируешь сделать] ты перестанешь быть красивой» (СКС₃). Очевидно, что разница интенции и возможной инференции, ставящей знак равенства между «*и сейчас*» и «*и так*», может привести к коммуникативной неудаче.

Интересно обратить внимание на отличие противопоставлений (I) и (II) от (III) и (IV). В первой паре ситуацией, прорисовываемой говорящим, является нечто отличное от имеющегося в данный момент. Развивая предложенную выше метафору, можно сказать, что говорящий видит настоящее через призму прошлого или будущего. Во второй паре, напротив, настоящее и прошлое рассматриваются через призму настоящего. Полагаем, что по соотношению этих стратегий в речи можно идентифицировать психическое состояние говорящего.

Выше, чтобы объективировать ситуацию, вербально не представленную, достаточно было анализа глагола по времени. В этом аспекте наиболее ярко проявляется полиситуативность глагольной семантики, которой посвящена упоминавшаяся выше монография Н. Б. Лебедевой (1999). Однако довольно

часто в глагольную группу входит наречие времени. Указание на время в чистом виде передается наречием времени, хотя возможны и иные реализации категории времени (например, имя или именная группа: «летом», «осеннюю порой», «во время дождя» и т. п.). Логика времени может быть представлена в следующих трех аксиомах:

7. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Всегда» (M_{et}), то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» (M_n) и множеству возможных миров «не сейчас» ($M_{p\wedge f}$). Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «Всегда» ($S \in M_{et} \Leftrightarrow S \in M_n \wedge S \in M_{p\wedge f}$).

8. Если S не происходит «Никогда» (N_t), то S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S не происходит «Никогда» ($S \in N_t \Leftrightarrow \neg S \in M_n \wedge \neg S \in M_{p\wedge f}$).

9. Если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас», то S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» ($S \in M_n \Leftrightarrow \neg S \in M_{p\wedge f}$).

Отметим, что границы «сейчас» могут варьироваться в весьма широких пределах: от доли секунды до тысячелетий. Характер противопоставления ситуаций от объема понятия «сейчас» не зависит.

Отдельно следует указать случаи, когда благодаря временным отношениям имплицитруется информация о характере действия, совершавшегося в прошлом:

(27) «Пожарные ничего не могут сделать: у них нет ни сил, ни средств. Если огонь перекинется на соседние здания, ситуация *окончательно* выйдет из-под контроля» [тв.].

СКС: Ситуация *уже* не контролируется.

(28) «Ой, гуляет в поле диалектика, // Жизнь без теормеха замечательна.
// Полюби, Маруся, теоретика, // Пока не свихнулся *окончательно*»
[фольк.].

(29) «В феврале совет в очередной раз соберется, чтобы *окончательно*
решить судьбу проекта нового свода правил» [газ.].

СКС: Судьба проекта *уже* решалась (в очередной раз),
но пока решена не *окончательно*.

(30) «Мы также создаем качественно новый механизм нашего
взаимодействия с НАТО, который призван *окончательно*
переломить инерцию “холодной войны”, повернуть наши страны
лицом к реальным, а не выдуманым угрозам безопасности» [газ.].

СКС: Инерция «холодной войны» не переломлена до
сих пор.

(31) «Билетная кассирша, то есть ваша жена Клавдия Ивановна, сию
минуту укушена в нос. Наружность ее теперь *окончательно*
испортилась» [Зощ.].

СКС: «Наружность» Клавдии Ивановны и до укуса
была сомнительного качества.

(32) «Тут мне *совсем* жутко стало, я ползком — да из огорода» [Шукш.].

СКС: Жутко было и раньше.

На столкновении выраженного явно времени и времени, не имеющего
вербального выражения, построена одна из притч в «Книге воина света» Паоло
Коэльо:

«Воин знает, что ангел и демон оспаривают его руку, держащую
меч.

“Ты ослабеешь, ты не сумеешь узнать нужный миг. Ты боишься”, — говорит демон. “Ты ослабеешь, ты не сумеешь узнать нужный миг. Ты боишься”, — говорит ангел.

И воин изумлен — оба говорят одно и то же.

“Давай я помогу тебе”, — продолжает демон. И ангел произносит: “Я тебе помогаю”.

И вот тогда воин постигает отличие. Слова одинаковы, да только разные уста произносят их.

И тогда воин выбирает руку своего ангела».

Подобное «столкновение» времен в рамках одного высказывания может стать причиной коммуникативной неудачи. В качестве примера можно привести рассказ В. В. Кожина о поездке в начале 1960-х годов в Саранск, к сосланному туда М. М. Бахтину. Чтобы пояснить разницу между формой и содержанием текстов, М. М. Бахтин обратил внимание гостя на огромный плакат «*Сделаем город чистым!*» в центре города и прокомментировал его: «Что из этого следует? Что реально сказывается этим плакатом? Правильно: что город грязный. Поэтому те партийные функционеры, которые гордо вывесили этот плакат, должны понимать: они на деле сказали всему городу “наш город — грязный!”»².

Аналогичный эффект имеет и объявление «*Наши ткани сделают Вас элегантной*» на витрине одного из челябинских магазинов. Негативный компонент смысла мог быть уничтожен изменением формы прилагательного: «*Сделаем город чище*», «*Наши ткани сделают Вас красивее*». Ср.:

(33) «Дисконтная карта сделает любую покупку *еще приятнее*» [рекл.].

СКС: Делать покупки приятно.

(34) «Скажите, это уже коммунизм или будет *еще хуже?*» [фольк.].

СКС: Сейчас уже плохо, при коммунизме будет хуже.

² <http://www.contr-tv.ru/print/2004-06-07/pozner>.

- (35) «Один взмах кисточки и — ВУАЛЯ! Ваши глаза стали *еще прекрасней!*» [рекл.].

СКС: Сейчас ваши глаза прекрасны.

- (36) «Благодаря внесенным в Уголовный кодекс изменениям суды станут *более объективными*».

СКС: Они и раньше были объективными.

- (37) «Введение единого государственного экзамена сделает систему образования *более примитивной*» [б. и.].

СКС: Система образования примитивна и сейчас.

- (38) «Да, место он выбрал самое дурное. Хотя кто выбрал-то? Зверь Индик! Значит, будут не мавки, не лихорадки и не царь Водяник, а будет нечто *вовсе скверное*» [Усп.].

СКС: Мавки, лихорадки и царь Водяник — это нечто скверное.

В примерах (33-38) сочетание процесса и сравнительной степени имплицитно указывает на наличие описываемой характеристики в обоих временных пластах.

Здесь же стоит упомянуть этикетные формы: «*Будьте добры...*», «*Будьте здоровы*», а также фразы, начинающиеся со слов «*Успокойся...*», «*[Ты только/главное] не нервничай...*» и т. п. Подобные выражения могут иметь обратный ожидаемому перлокутивный эффект («*Я и так спокоен!*», «*Я не нервничаю!*») в силу того, что в содержательной стороне подобных высказываний в неявном виде лежит утверждение о нервном срыве собеседника.

2.3.2. Отражение в языке категории пространства

Противопоставление «здесь» vs. «не здесь» («там»), возможно, не столь очевидное, как противопоставление по времени, очень важно как для

осмысления явления имплицитности, так и для понимания некоторых культурных феноменов, в частности — противопоставления своего и чужого, тесно связанного с категорией пространства.

В отличие от временных отношений, отношения пространственные не нашли отражения в грамматических значениях глагола³.

В глаголах движения пространственные отношения зафиксированы в семантике: *приехать, убежать, выйти, переместиться, войти* и т. п. Эти глаголы в речи, как правило, распространяются при помощи обстоятельств места: *сюда, туда, оттуда; вниз, вверх, наверх, вправо, влево; в восточном направлении, на запад* и др.

Многомерность описываемого пространства находит также отражение в глаголах типа *подбросить, кинуть, поймать*.

Здесь, являясь точкой отсчета, представляется более важным, чем зачастую иллюзорное *там*. Но было бы ошибкой представлять *здесь* как точку пространства, в которой находится говорящий, что подтверждают уточнения в следующих примерах:

- (1) «Наверное, только *здесь, в деревне*, понимаешь: вот оно, настоящее лето, *здесь, в полудне езды от города*. И немного завидуешь этим людям, для которых светит деревенское солнце и которые вдыхают свежий деревенский воздух» [газ.].
- (2) «*Здесь, на Северном полюсе*, сходятся меридианы, нет обычных сторон света и нет деления на дни и ночи, сутки и месяцы, а солнце по полгода не опускается за горизонт» [журн.].
- (3) «Да, я с удовольствием вас выслушаю, — он попытался изгнать из голоса эмоции, но сердце учащенно забило при мысли о том, что она *здесь, в Кауре*» [А. А. Милн].

³ Речь здесь, прежде всего, идет о русском глаголе. Полагаем, что это утверждение характерно и для других языков тоже.

- (4) «Чапаев, такой чуткий и гибкий во всех своих действиях, так быстро все улавливавший и ко всему применявшийся, понял здесь, *в степях*, что с казаками бороться надо уже не тем оружием, каким боролись недавно с мобилизованными насильно колчаковскими мужичками» [Фурм.].
- (5) «Здесь, *в горах, на альпийских высотах в пастушеском шалаше*, радио принесло весть, что англичанин Бриан Аллен впервые в истории перелетел Ла-Манш на самодельном самолете, работающем при помощи мускульной силы пилота» [Иск.].
- (6) «Я рос в Европе, учился в Европе, машину начал водить в Европе, и здесь, *в Европе*, как нигде, чувствую себя дома» [Ж. Вильнев].

Представление о мироустройстве меняется. Если первоначально *здесь* и *езде* отождествлялись (божества жили *здесь же*, рядом с людьми), то позже *здесь* расширялось, охватывая все большие и большие территории. Потенциально, можно сказать «*Здесь, в нашей галактике...*», но чтобы подобное уточнение было осмысленным, необходимо иметь представление об иных галактиках. Как видно из примеров (1-6), объем понятия «здесь» может бесконечно расширяться, практически сливаясь с «езде». В силу того, что в антонимичных парах оба эти слова («здесь» и «езде») выступают как базовые, в речи они, как правило, опускаются, создавая трудности для интерпретации. Полагаем, что именно это послужило поводом для обвинений одного из российских банков, использовавшего слоган «*Честные кредиты. Без скрытых комиссий*», в использовании недобросовестной рекламы, содержащей некорректное сравнение банковского продукта с услугами других банков. Проанализируем этот слоган, для чего восстановим «опущенные» компоненты:

- (7₁) *Здесь (в данном банке) честные кредиты. Без скрытых комиссий.*

СКС: Существуют банки, которые скрывают часть информации о комиссионных сборах и тем самым вводят клиентов в заблуждение.

(7₂) *Везде (во всех банках) честные кредиты. Без скрытых комиссий.*

СКС: Есть и/или были в прошлом нечестные кредиты (со скрытыми комиссиями), но сейчас их нет.

Очевидно, что в силу специфики рекламной деятельности, направленной на позиционирование продукта и информирование об *уникальных* свойствах предлагаемого продукта или услуги, интерпретация, предложенная нами во втором примере, представляется возможной, но маловероятной. Здесь стоит уточнить, что возможна и третья интерпретация, поскольку характерным для человека является и постановка знака равенства между выражением «в большинстве случаев» и словами «везде» и «всегда».

(7₃) *В большинстве банков честные кредиты. Без скрытых комиссий.*

СКС: Существуют банки, которые скрывают часть информации о комиссионных сборах и тем самым вводят клиентов в заблуждение, но их мало.

В статье «*Модальность и сюжет*» (1994) В. П. Руднев обрисовывает контуры логики пространства, используя в качестве модальных операторов понятия «здесь», «там», «нигде» и «везде». Определение первых двух понятий представляет трудности, вызванные спецификой их употребления в речи: вполне допустимо сказать как «*Он здесь, в Европе*», так и «*Он там, за углом*». Чтобы снять это противоречие, исследователь разграничивает понятия «здесь» и «там» (с маленькой буквы) и «Здесь» и «Там» (с большой буквы). Объект находится «здесь» (h — here), если он находится в пределах сенсорной достижимости со стороны говорящего (*лежит здесь на столе, сидит рядом на стуле* и т. д.). Если мы говорим, что объект находится «там» (th — there), это означает, что он находится на границе или за границей сенсорной достижимости (*он стоит там, за шкафом; там, в углу* и т. д.). Объект находится «Здесь» (H — Here), это означает, что он находится в одном

актуальном пространстве с говорящим: в одной комнате, в одном доме, на одной улице, в одном городе и т. д. Ясно, что, если А находится «Здесь», то А находится «здесь» или «там» (Если А в городе, то он либо здесь в комнате, либо там за углом, на соседней улице, в кино и т. д.).

В. П. Руднев формулирует основные аксиомы для логики пространства применительно к единичным объектам. Представим эти аксиомы, однако вместо обозначения сингулярного термина А мы введем обозначение ситуации (S). Кроме того, опустим важное для В. П. Руднева различие между понятиями «здесь» (M_h) и «Здесь», «там» (M_{th}) и «Там», для нашего анализа интереса не представляющее, и сведем его аксиомы к следующим трем:

10. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Везде» (M_{ew}), то S принадлежит множеству возможных миров «здесь» (M_h) и множеству возможных миров «там» (M_{th}). Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «здесь» и множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «Везде» ($S \in M_{ew} \Leftrightarrow S \in M_h \wedge S \in M_{th}$).

11. Если S не происходит «Нигде» (N_p), то S не принадлежит множеству возможных миров «здесь» и не принадлежит множеству возможных миров «там». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «здесь» и не принадлежит множеству возможных миров «там», то S не происходит «Нигде» ($S \in N \Leftrightarrow \neg S \in M_h \wedge \neg S \in M_{th}$).

12. Если S принадлежит множеству возможных миров «здесь», то S не принадлежит множеству возможных миров «там». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «здесь» ($S \in M_h \Leftrightarrow \neg S \in M_{th}$).

Обычно объем понятия «здесь» определяется на основе контекста или уточняется, как в приведенных выше примерах. В том же случае, если клауза не оторвана от ситуации общения, то «здесь» опускается: «*Прожужжала сонная пчела*»; «*Показались таинственные острова*»; «*Светила туманная луна*» и т. п.

Гораздо чаще базовая дихотомия «здесь» vs. «там» реализуется в конкретном высказывании благодаря указанию места действия или его направления, распространяющему глагольную группу при помощи наречий (*близко, около, далеко; наверху, внизу*), местоимений (*здесь, там*), имен и

именных групп (*к востоку, к западу, к северу, к югу; в сквере, на островах, в Северном Ледовитом океане и т. п.*).

- (8) «*На западе, за станицей, за чернеющими лесистыми полями, все еще мертвенно светила долгая летняя московская заря*» [Бун.].

СКС: На востоке, долгая летняя московская заря уже не светила

- (9) «*В американской пустыне Мохав строится полигон для тренировок морских пехотинцев*» [газ.].

СКС: В других пустынях не строятся полигоны для тренировок морских пехотинцев.

- (10) «*А ты знаешь, в Нью-Йорке общественный транспорт работает круглые сутки. Очень удобно*» [б. и.].

СКС: В других городах общественный транспорт не работает круглые сутки.

Логика пространства, прорисованная выше, может быть проиллюстрирована текстом опубликованной в «Новых Известиях» статьи «*Климат-контроль. Какую погоду сулит начало зимнего сезона на курортах мира*» (14 ноября 2005 г.).

- (11) «*<...> ИСПАНИЯ* — Если еще с начала октября материковая Испания перешла в сугубо экскурсионный “режим” из-за падения температуры, то на островах “вечной весны” можно купаться даже в ноябре. До конца месяца температура моря продержится до +22° С.

КИТАЙ (О. ХАЙНАНЬ) — В ноябре-декабре климат здесь достаточно мягкий — дневная температура воздуха и моря около +27° С.

КУБА — Здешний климат — мечта всех, кто плохо переносит русские зимы. Море нагревается до $+27^{\circ}\text{C}$, температура воздуха практически всегда держится на отметке в $+30^{\circ}\text{C}$. Правда, в декабре нередки тропические ливни, способные ненадолго затопить дороги. Однако вода здесь быстро уходит в почву.

МАВРИКИЙ — Всем желающим посетить этот остров следует поторопиться: в декабре здесь начнут лить дожди, и погода будет меняться несколько раз в сутки. Сейчас же здесь, как говорится, самое то, что надо: $+25^{\circ}\text{C}$.

ОАЭ — Именно поздняя осень — одно из самых комфортных периодов для отдыха на Аравийском полуострове: туристам уже не приходится совершать быстрых перебежек от одного кондиционера под другой. Температура воздуха в это время $+28^{\circ}\text{C}$, воды $+23^{\circ}\text{C}$.

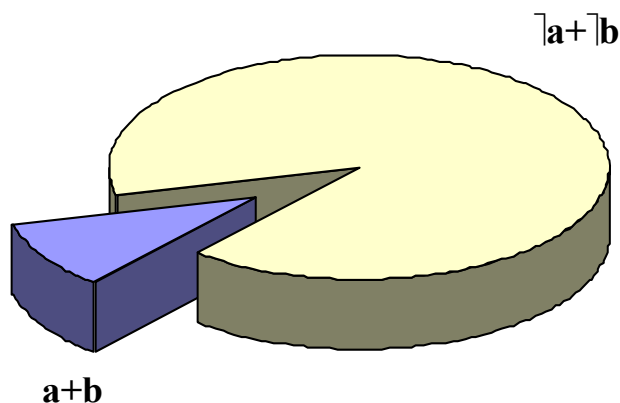
СЕЙШЕЛЬСКИЕ ОСТРОВА — Для всех любителей уединенного отдыха открывают двери своих отелей 117 островков в Индийском океане. В это время здесь уже нет дождей, море нагрето до $+27^{\circ}\text{C}$, а “на суше” $+33^{\circ}\text{C}$. <...>»

Очевидно, что, в силу специфики материала, здесь описаны те места, ноябрьский температурный режим которых отличен от привычного россиянам (цитируемая газета — русскоязычная). Базовое противопоставление «здесь» (в России) и «там» (на курортах) сочетается с противопоставлениями самих курортов друг другу. Так, если о Венесуэле говорится, что на побережье этой страны жарко и влажно, до $+38^{\circ}\text{C}$, а в горах случаются даже заморозки, то *можно* сделать вывод о том, что подобного нет ни на одном другом курорте. В то же время это утверждение не исключает возможности подобного температурного режима на других курортах. Аналогичным образом утверждение о том, что кубинский климат — «мечта всех, кто плохо переносит русские зимы», может относиться к любому из перечисленных курортов.

2.4. Принцип выявления скрытых компонентов смысла высказывания

Клауза по природе своей полиситуативна, в ней присутствует явное или скрытое противопоставление. Речь идет либо об одном объекте, и тогда мы имеем дело с динамикой (сравниваются некие характеристики этого объекта в разное время, пространственно-временная соотнесенность существенна), либо о разных, в этом случае мы имеем дело со статикой (объекты сравниваются, пространственно-временная соотнесенность менее существенна).

Как видно из рисунков 4 и 5, неявная часть содержательной стороны высказывания является антонимом по отношению к явной части. Принцип выявления скрытых компонентов смысла тем самым сводится к построению высказываний, антонимичных данному. Формально же высказывания о явной и неявной ситуациях отличаются друг от друга парой компонентов. Обозначим их как *a* и *b*:

Первый шаг механизма интерпретации высказывания на естественном языке, на наш взгляд, — трансформация высказываний, приведение их к следующему виду:

$$\Sigma \{M_t + M_p [NP (A + N) + VP (V + NP_{sub} + Adv_m)]\},$$

где NP — именная группа, VP — глагольная группа; A — прилагательное, N — существительное, Adv_m — наречие образа действия. Соотнесенность со временем и пространством мы обозначили как M_t и M_p соответственно. Именную группу, включенную в группу сказуемого, мы обозначили как NP_{sub}. Компоненты внутри квадратных скобок (именная и глагольная группы) имплицитно существуют неких феноменов. Компоненты вне скобок позиционируют суждение в действительности. Важно отметить, что представленная схема соотносится с глубинным синтаксисом, в силу чего формально схемы отдельных предложений могут иметь структуру, отличную от предложенной здесь. Кроме того, мы говорим о клаузе как максимально свернутой синтаксической единице, передающей завершённую идею о действительности. Объём элементов схемы может варьироваться от семантического нуля (невывраженность) до вложенной клаузы.

После трансформации анализируются:

1. Именная группа, NP:

1.1. **Имя:** объективируются те объекты, информация о которых содержится в клаузе неявно;

1.2.1. **Определение:** объективируются свойства объектов, составляющих с N единый класс;

1.2.2. **Определение:** объективируются возможные свойства объектов, выявленных в 1.1.

2. Глагольная группа, VP:

2.1. **Глагол:** объективируются возможные действия, состояния объектов, выявленных в 1.1.;

2.2.1. **Образ действия:** объективируются возможные свойства действия V;

2.2.2. **Образ действия:** объективируются возможные свойства действия, состояния объектов, выявленных в 1.1.

3. Время, M_t: объективируются (корректируются) временные рамки.

4. Пространство, M_p: объективируются пространственные рамки.

Выводы по второй главе

1. Число возможных ситуаций потенциально бесконечно, соответственно стремится к бесконечности и количество интерпретаций, одна из которых может быть актуализирована в процессе реального общения. Несмотря на это, в процессе познания действительности некоторые свойства окружающих нас объектов принимаются за неотъемлемые, являющиеся обязательными для всех объектов класса. Совокупность «обычных» признаков одного объекта составляет его образ в сознании (концепт) и, как правило, не нуждается в вербализации. Вербализуются те признаки, которые не являются «обычными».

2. Называя что-либо, человек не просто устанавливает некоторую связь между означаемым и означающим, он создает картину мира, структурирует ее. В языках номинативного строя имя выделяет, отграничивает какой-то объект, ставит предел между *тем, что названо*, и *тем, что не названо*.

3. Любое высказывание на естественном языке обязательно содержит указание на то, ограничен ли описываемый фрагмент действительности во времени и пространстве. Если он ограничен, то промежуток времени и область пространства проговариваются, чем указывается, что описываемое в высказывании положение дел имело место не всегда и не везде.

4. Неявная часть содержательной стороны высказывания является антонимом по отношению к явной части. Формально высказывания о явной и неявной ситуациях отличаются друг от друга парой компонентов, что позволяет формализовать механизм выявления скрытых компонентов смысла. Принцип выявления скрытых компонентов смысла заключается в построении высказываний, антонимичных данному.

ГЛАВА 3. Опыт анализа текста на основе принципа восполнения неявной информации

Одной из актуальных задач современной лингвистики является создание формального алгоритма оценки возможного восприятия того или иного текста. Подобный анализ был бы востребован, прежде всего, в сфере межкультурных коммуникаций, где наиболее остро чувствуется необходимость свести возможность коммуникативной неудачи к минимуму. Соответственно, практическая значимость подобного анализа заключалась бы в возможности его использования в рамках лингводидактики, юрислингвистики, лингвокультурологии, лингвистической антропологии и ряде других дисциплин.

Проблема возможного восприятия текста может быть рассмотрена и с точки зрения оценки значимости для реципиента получаемой информации, поскольку говорящий может полагать, что она важна для слушающего, но слушающий может быть не заинтересован в получении информации. Отсюда мы выходим на категорию информационного насилия, которое есть *получение информации против воли*. Важно отметить, что любое общение может быть интерпретировано как насилие: потребность в общении возникает только тогда, когда есть несоответствие во взглядах (когнитивный диссонанс).

Для анализа взят конфессиональный текст «*В чем смысл жизни?*» (объем — 10 400 слов), распространяемый адептами секты Свидетели Иеговы. Применение к данному тексту заявленного нами принципа позволяет наглядно продемонстрировать неявные конфликтогенные элементы смысла.

3.1. Языковое проявление в тексте категории существования

Мы рассмотрели представления автора о человеке и человечестве в целом, о взаимоотношениях людей, условиях жизни. Кроме того, особый

интерес для нас представляла информация о религии и социуме. Заметим, что этими темами содержание анализируемого текста не исчерпывается, однако как информационное насилие могут быть расценены, в первую очередь, именно эти «фоновые» знания автора текста.

Прежде всего, отметим, что автор постоянно смягчает свои утверждения при помощи слов «большинство», «многие», «другие», «некоторые», «прочие» и т. п., являющихся текстуальными маркерами идеи неуникальности (неединственности):

- (1) «Вот уже многие годы я непрестанно ищу истину о себе и моей жизни; я знаю, что *многие* делают то же самое».

СКС: Не все люди ищут истину о себе и своей жизни.

- (2) «*Многие религиозные деятели утверждают, что* цель жизни — вести правильный образ жизни...»

СКС: Не все религиозные деятели утверждают, что цель жизни — вести правильный образ жизни.

- (3) «*Во многих странах* люди не интересуются Библией или не уважают ее».

СКС: В некоторых странах люди интересуются Библией и/или уважают ее.

В тексте крайне редко встречаются сверхобобщения («всё», «все», «везде», «всегда», «никто», «нигде», «никогда» и т. п.): «Все превосходно сконструированные живые творения на Земле не могли появиться благодаря случаю»; «Всякая конструкция должна иметь конструктора»; «Везде мы находим изящество и гениальность самого высокого класса, которые так ослабляют идею случая»; «Никто не может с ним [с Богом — Д. Х.] сравниться»; «Пророчество никогда не рождалось из того, что хотел человек сказать» и ряд других.

При помощи указания на неоднородность описываемого объекта (общество), задается идея избранности. Обычные люди «считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества»; «начинают сомневаться в том, что жизнь имеет смысл»; «не интересуются Библией или не уважают ее»; «ужасаются при мысли, что со смертью закончится их жизнь» и т. д. Из этого можно сделать вывод, что существуют «иные» («многие» не есть «все», даже если максимально сближается с ним), которые, в свою очередь, не считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества; не сомневаются в том, что жизнь имеет смысл; интересуются Библией и уважают ее; не ужасаются при мысли, что со смертью закончится их жизнь.

Идея избранности («*некоторые*») сопровождается в тексте указанием на многочисленность Свидетелей Иеговы (именно они выступают в роли избранных):

- (4) «Узнай, как ты можешь вместе с *миллионами других*, уже сейчас исполняющих волю Бога, участвовать в намерении Бога для людей — вечно жить на райской Земле».
- (5) «Благая весть о конце этого мира и наступлении нового райского мира под управлением Царства Бога проповедуется по всему миру. Кем же? *Миллионами Свидетелей Иеговы*. Они проповедуют во всех странах мира».

В свою очередь, описание Свидетелей Иеговы имплицитно включает некоторые характеристики «многих», обычных людей:

- (6) «Кроме проповедования о Царстве Бога, Свидетелей Иеговы отличает как истинных последователей Христа их поведение».

СКС₁: Обычные люди не проповедуют.

СКС₂: Обычные люди не отличаются своим поведением.

- (7) «Свидетели Иеговы объединены во всемирное братство неразрывными узами любви».

СКС: Человечество разрозненно.

- (8) «Свидетели Иеговы верят тому, что “Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему”».

СКС: Обычные люди не верят в нелицеприятность Бога и в необходимость соблюдения Закона Божьего.

- (9) «Несмотря на расу или цвет кожи, они считают своих Сосвидетелей во всех странах своими духовными братьями и сестрами».

СКС: Для обычных людей в выстраивании отношений с людьми важна раса и цвет кожи.

Говоря о людях в целом, автор не только умалчивает дружеские и семейные отношения, но и представляет человека как механизм: *«Мозг и тело человека изумительно сконструированы Наивысшим Конструктором»; «Также великолепно сконструированы и другие части твоего тела: нос, язык, руки, система кровообращения, пищеварительная система и многое другое»* и т. п. Если разговор касается взаимоотношений людей, то автор говорит только о тех из них, которые обусловлены биологической природой человека. Человек предстает в роли «мужчины» (‘самец’) и «женщины» (‘самка’), родителя и ребенка (‘детеныш’): *«Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»; «Каждый живой организм происходит от родителя того же рода»; «По законам генетики дети наследуют особенности своих родителей»; «Но они развратились пред Ним, они не дети Его по своим порокам»; «Не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе»* и т. п. Единственное исключение — высказывание, в котором сообщается, что в будущем люди будут *«...горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны...»*.

- (10) «Во всем мире свыше одного миллиарда людей тяжело больны и недоедают».
- (11) «Жизнь отягощают разводы, злоупотребление наркотиками, СПИД, передаваемые половым путем болезни и другие отрицательные обстоятельства».
- (12) «Какая же это великая перспектива — вечно жить на райской Земле без зла, преступлений, болезней, горя и боли!»
- (13) «История человечества, бесспорно, преисполнена страданиями по причине войн, империалистической захватнической политики, эксплуатации, несправедливости, бедности, бедствий, болезней и смерти».
- (14) «Допустив, чтобы в течение столетий человеческое управление доказало всю свою несостоятельность, Бог теперь вправе вмешаться в дела людей и положить конец страданиям, горю, болезням и смерти».

Попутно отметим, что человечество в целом обозначается в тексте как «человеческая семья» («*Руководители мира не в состоянии разрешить все эти многочисленные проблемы, обрушившиеся на человеческую семью*»; «*В своем Слове Бог сообщает о сотворении первых людей, Адама и Евы, и открывает свое намерение для человеческой семьи*»; «*С самого начала намерением Бога для совершенной человеческой семьи была вечная жизнь на райской Земле*» и т. п.), при этом встречающиеся термины родства («сын», «брат» и «сестра») используются исключительно в метафорическом смысле: «*Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения*»; «*Несмотря на расу или цвет кожи, они считают своих Сосвидетелей во всех странах своими духовными братьями и сестрами*».

В этом смысле интересно обратить внимание на вопрос, который задает автор в начале текста: «*Почти каждый человек когда-нибудь в своей жизни*

задумывается о смысле жизни. Состоит ли он в том, чтобы усердно работать, улучшить условия своей жизни, обеспечить семью и затем, может быть, прожив 70—80 лет, умереть и навечно отойти в небытие?» Обратим внимание на глагольные группы: «усердно работать», «улучшить условия своей жизни», «обеспечить семью», «может быть, прожив 70-80 лет, умереть», «навечно отойти в небытие». Прежде всего, действия в данном ряду неравнозначны. Так, можно усердно работать, чтобы улучшить условия жизни и обеспечить семью (в данном случае цель — улучшение жизни), можно же получать удовольствие от работы (цель — работа ради работы). Еще одна самостоятельная цель — прожить долгую жизнь, хотя это в большей мере зависит от воли случая («может быть»). Последняя единица в ряду («навечно отойти в небытие») целью являться не может, поскольку смерть неизбежна.

Подобная неравнозначность элементов в ряду однородных членов присутствует и в утверждении, что «единственная цель в жизни - “жить, иметь детей, быть счастливым и потом умереть”». Можно иметь детей (причина) и быть от этого счастливым (следствие). Смещение смысла приводит к выводу, что счастье не в детях.

Более того, если мы вернемся к предыдущему примеру, то заметим аналогичный смысловой излишек: зачем говорить об обеспечении семьи, если ранее было сказано об улучшении жизни? Полагаем, что здесь проявилась картина мира автора: жизнь человека не связана с жизнью его семьи. Высказанная нами идея подтверждается оформлением призывов, звучащих в окончании текста: «Приобрети Библию и сверь с тем, что ты прочитал в этой брошюре. Ищи других людей, которые изучают и учат этим библейским истинам. Освободись от лицемерных религий, которые учат и поступают не в согласии с Библией. Узнай, как ты можешь вместе с миллионами других, уже сейчас исполняющих волю Бога, участвовать в намерении Бога для людей — вечно жить на райской Земле. И восприми всем сердцем заверение Слова Бога о ближайшем будущем».

Когда речь идет о Церкви, автор характеризует не *само* положение дел, а *утверждение* о положении дел:

- (15) «Учения и дела религий христианского мира показывают, что их *заявление о том, что они верят Библии и являются богобоязненными христианами, — ложь*».

СКС: Христианский мир не верит Библии; жители его не являются богобоязненными христианами.

- (16) «Подумай, например, о странах, которые утверждают, что исповедуют христианство».

СКС: Страны христианского мира не исповедуют христианство.

- (17) «Исполнителями этих преступлений были духовенство и их последователи — они все *утверждали, что являются христианами*».

СКС: Духовенство и их последователи не являлись христианами.

Или же вместо действия говорится о *попытке* совершения этого действия:

- (18) «Эти пророчества настолько точны, что некоторые критики *пытались утверждать*, хотя и безуспешно, что они были записаны после этих событий».

Этим, как видно из комментариев к приведенным примерам, имплицитно утверждается положение о том, что в странах христианского мира христианство не исповедуется. Данная мысль представлена и эксплицитно:

- (19) «Нет, народы и церкви христианского мира не являлись и не являются христианами».

- (20) «Кроме того, что христианский мир учит ложным доктринам, он предал Бога и Библию своими делами».

В ряде случаев имплицитная информация сразу же дублируется автором. Проговаривая ее, автор фиксирует в сознании читателя тот вывод, который читатель сделал самостоятельно:

- (21) «Духовенство и те, кто за ними следуют, называют себя христианами, *на самом деле они поступают вразрез с учениями Иисуса Христа*».
- (22) «Он избавит Землю от людей, вредящих своим собратьям, а также от тех, кто утверждают, что ему служат, *а на самом деле этого не делают*».

Кроме того, дублируя имплицитную информацию эксплицитной, автор страхует себя на случай иной интерпретации текста читателем.

Кроме этого, как имплицитно (23₁), так и эксплицитно (23₂) сообщается о том, что учения церквей христианского мира трудны для понимания и неразумны:

- (23₁) «Библейские учения о Боге и его намерениях ясны, их нетрудно понять, и они разумны...»
- (23₂) «...Чего нельзя сказать об учениях церквей христианского мира».

В целом же можно отметить явное противопоставление «ложных» христиан и «истинных» христиан:

- (24) «По любви к ближним можно будет отличить истинных христиан от ложных, которые только выдают себя за христиан».
- (25) «Исполнителями этих преступлений были духовенство и их последователи — они все утверждали, что являются христианами».

- (26) «Нет, народы и церкви христианского мира не являлись и не являются христианами».

В тексте присутствует явное противопоставление Библии всем прочим книгам. Если Библия есть *«Священное Писание»*, *«богодухновенное Слово Всевышнего»*, то всем прочим книгам отказывается в праве называться священными:

- (27) «Она на много столетий старше всех остальных *книг, почитаемых за священные*».

- (28) «Другие же *древние книги, которые считают священными*, с точки зрения науки содержат вымыслы, неточности или явную ложь».

Сопоставляя Библию с религиозными книгами иных конфессий, автор определяет последние как «древние книги», чем также принижается их значимость в глазах читателя:

- (29) «Можно добавить, что никакая *древняя книга* не может сравниться с Библией по точности».

- (30) «Например, хотя Библия и не была написана как научный труд, касаясь научных вопросов, она согласуется с достоверной наукой. Другие же *древние книги, которые считают священными*, с точки зрения науки содержат вымыслы, неточности или явную ложь».

Обращает внимание противопоставление Библии *художественным* произведениям:

- (31) «В то время как литературные произведения, легенды и выдуманные истории заботятся о том, чтобы разместить повествуемые события в каком-либо отдаленном месте и в какое-либо неопределенное время, <...> в повествовании Библии нам

сообщается дата и место передаваемых событий с исключительной точностью».

Интересно отметить, что в тексте содержится скрытая информация о том, что сам читатель не живет в соответствии с намерением Бога. *«Очень важно узнать нашу роль в намерении Бога. Тогда мы сможем выбрать: жить ли нам в соответствии с его намерением или нет».* *«Когда мы об этом узнаем, мы сможем использовать свой удивительный мозг и тело, дарованные нам Богом, для выполнения нашей цели в жизни».* *«Освободись от лицемерных религий, которые учат и поступают не в согласии с Библией».*

3.2. Лингвистическое выражение категории времени в тексте

В этом параграфе мы рассмотрим картину мира, прорисовываемую автором текста, во временном разрезе. Как уже отмечалось выше, изначальным «центром» категории времени является момент, в котором находится говорящий (момент речи; *«сейчас»*). Момент речи может охватывать довольно большие промежутки времени, поглощая прошлое (*«как и раньше»*) и будущее (*«будет и далее»*), а в ряде случаев — и прошлое, и будущее (*«всегда»*). В последнем случае мы имеем дело с трюизмами: *«Почти каждый человек когда-нибудь в своей жизни задумывается о смысле жизни»;* *«Всякая конструкция должна иметь конструктор»;* *«Чем сложнее конструкция, тем квалифицированнее должен быть конструктор»;* *«Всякий дом устроится кем-либо»;* *«По законам генетики дети наследуют особенности своих родителей»;* *«Политические руководители не могут ни покончить с преступностью, ни устранить болезни и смерть»* и т. п.

Ряд высказываний содержит имплицитную информацию о том, что ранее (в прошлом; до момента речи) люди были более счастливы, нежели сейчас, не искали смысл жизни в материальном имуществе, а в целом — не было ужасного уныния, наблюдающегося сейчас:

- (1) «Сегодня в западных и восточных странах многие люди считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества. Они убеждены, что тогда жизнь становится счастливой и приобретает смысл».

СКС: Раньше люди не считали, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества.

- (2) «Поражает число богатых людей, настойчиво утверждающих, что они несчастливы».

СКС: Раньше богатые люди не утверждали столь настойчиво, что они несчастливы.

- (3) «Опросы свидетельствуют об ужасном унынии, поразившем Северную Америку...».

СКС: Раньше не было этого ужасного уныния.

С другой стороны, в тексте имплицитно подразумевается мысль, что условия жизни и ранее были плохими. На протяжении человеческой истории условия жизни постоянно ухудшались, вылившись в кризис в настоящем времени.

- (4) «Видя, как условия становятся все хуже, многие начинают сомневаться в том, что жизнь имеет смысл».

СКС: Условия жизни и ранее были плохими.

- (5) «Из-за непрекращающегося роста населения увеличивается потребность в еде, жилье и промышленности».

СКС: Ранее также были проблемы с едой и жильем.

- (6) «Повсюду наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия».

СКС: Преступность существовала и ранее.

- (7) «Все меньше ценится жизнь и чужая собственность».

СКС: Ранее жизнь и чужая собственность ценились больше.

(8) «Страх перед преступностью вошел в повседневную жизнь».

СКС: Ранее постоянного страха перед преступностью не было.

В сумме эти высказывания (и подобные им) имплицитно подразумевают наличие зла, преступлений, болезней и т. п. в настоящем времени. Важно отметить, что в тексте довольно отчетливо прослеживается мысль о неспособности человека самостоятельно справиться с этими проблемами. Решение этих проблем возможно только путем вмешательства высшей силы: *«Человечеством больше никогда не будут управлять продажные формы правления: Бог положит конец этой системе, и независимое от Бога человеческое правление больше никогда не будет существовать».*

Будущего у человеческой истории нет; настоящее время определяется в тексте как *«последние дни»*. Однако будущее в тексте все же прорисовывается, причем очевидная его противопоставленность времени настоящему порождает целый букет импликаций, позволяющих более детально прорисовать модель настоящего времени. Переход от этого мира к миру новому есть *«избавление от несправедливости, болезней, страданий и смерти»*.

(9) «Этот период времени начнется следующими событиями: “Восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам”».

(10) «В последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся...

Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь».

Ухудшение условий жизни заставляет людей задуматься о смысле жизни: *«Жизнь тягощают разводы, злоупотребление наркотиками, СПИД, передаваемые половым путем болезни и другие отрицательные обстоятельства. И руководители мира не в состоянии разрешить все эти многочисленные проблемы, обрушившиеся на человеческую семью. Поэтому вполне понятно, что люди спрашивают: “В чем же смысл жизни?”»*. При этом в тексте имплицитно две тенденции. Все больше людей отворачивается от веры в Бога:

- (11) «Видя такое изобилие точек зрения в религиозном мире, многие люди приходят к выводу, что, в сущности, нет разницы, во что верить. Они смотрят на религию как на отдушину, несколько успокаивающую душу и утешающую, чтобы справляться с житейскими проблемами. Другие же считают религию ничем иным, как просто суеверием. Они считают, что многовековые религиозные размышления не ответили на вопрос о цели жизни и не улучшили жизни простых людей».

Однако речь в тексте идет не столько о факте отсутствия веры, сколько о *возможности* начала сомнения:

- (12) «Многие *начинают сомневаться* в том, что жизнь имеет смысл».

СКС: Раньше (и сейчас, по большей части) они в наличии смысла жизни не сомневались.

Вина за это возлагается, в первую очередь, на деятелей церкви:

- (13) «Религии мира часто препятствовали человеческому прогрессу и способствовали раздорам и войнам».

- (14) «Их поступки [поступки псевдохристиан — Д. Х.] возмущают миллионы людей, которые по этой причине отворачиваются от веры во Всевышнего».

С другой стороны, отмечается, что все больше людей пытаются выяснить, в чем смысл жизни:

- (15) «Вот уже многие годы я непрестанно ищю истину о себе и моей жизни; я знаю, что многие делают то же самое. Сегодня, как никогда, много людей задает вопросы: “Кто мы?”, “Каково наше предназначение?”».
- (16) «В наше время, как никогда прежде в истории, благая весть о конце этого мира и наступлении нового райского мира под управлением Царства Бога проповедуется по всему миру».

При этом отмечается, что все попытки найти ответ были бесплодными:

- (17) «Всю свою жизнь я старался узнать, в чем же цель жизни. Я пытался разрешить три проблемы, которые считаю для себя самыми важными: проблему вечности, проблему человеческой индивидуальности и проблему зла».

СКС: Попытки найти ответ не увенчались успехом (далее по тексту: «Однако мне этого не удалось сделать. Я не разрешил ни одной из них»).

- (18) «Мы по-прежнему стоим перед вопросами: кто мы, зачем мы здесь и каково наше будущее».
- (19) «В размышлениях человека... о его месте во вселенной, мы не намного продвинулись по сравнению с началом».

Обращает на себя внимание идея, что в будущем времени жизнь не будет омрачена негативными факторами: *«Какая же это великая перспектива — вечно жить на райской Земле без зла, преступлений, болезней, горя и боли!»*

«Отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет». «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь». «Ни один из жителей не скажет: “я болен”».

В тексте имплицитно содержится информация о страхе одних людей перед другими (помимо преступности речь идет об эксплуатации): *«Будут строить дома и жить в них... Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел... Избранные Мои долго будут пользоваться изделием рук своих. Не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе». «Каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их».*

Еще один интересный пласт имплицитной информации касается эволюции научных взглядов. С одной стороны, сообщается о том, что наука постоянно подтверждала сведения, содержащиеся в Библии (*«Ученые, историки, археологи, географы, лингвисты и другие специалисты не перестают подтверждать то, что записано в Библии»*). С другой стороны, говорится о том, что биология как наука опирается на положение (в тексте *«мнение», «взгляд»*) о случайном возникновении жизни. Стоит обратить особое внимание на то, что среди возможных импликаций есть предположение, что в скором будущем это положение будет отвергнуто:

- (20) *«Вся система общепринятой биологии все еще придерживается мнения, что жизнь возникла случайно».*

СКС₁: *Общепринятая биология и ранее придерживалась мнения, что жизнь возникла случайно.*

СКС₂: *В будущем общепринятая биология не будет придерживаться мнения, что жизнь возникла случайно.*

- (21) *«Те, кто по-прежнему догматично защищают взгляд, что вся существующая действительность — только результат случая, на самом деле, верят в миф».*

СКС: Этот взгляд *догматично* защищался и ранее.

Фиксируя эти импликации, автор цитирует Псалом (145:3): «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения».

3.3. Отражение в тексте категории пространства

Анализ пространственных отношений показал наличие в языковой картине мира автора двух четко противопоставленных миров: [обычной] земли (пространственный параметр «здесь») и земли райской (пространственный параметр «там»). В картине [обычной] Земли, нарисованной автором, выделяются два уровня. С одной стороны, *«вокруг себя по всей земле»* наблюдаются *«великолепные конструкции»*, *«начиная с животных и кончая мельчайшей живой клеткой»*, *«изящество и гениальность самого высокого класса»*. С другой стороны, *«во всем мире свыше одного миллиарда людей тяжело больны и недоедают»*, *«повсюду наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия»*. Здесь постоянно одни народы завоевывают, порабощают и угнетают другие. На райской же земле нет *«зла, преступлений, болезней, горя и боли»*.

- (1) *«Во многих странах люди не интересуются Библией или не уважают ее из-за плохого поведения людей, утверждающих, что ей следуют».*

СКС: Есть страны, в которых люди интересуются Библией и/или уважают ее (независимо от действий псевдохристиан).

- (2) *«В некоторых странах утверждают, что Библия поощряет войну и, являясь книгой белых, поддерживает колониализм».*

СКС: Есть страны (и таких стран много), в которых люди не считают, что Библия поощряет войну и поддерживает колониализм.

Описание [обычной] земли дается в первой половине текста, описание райской земли — во второй половине. Противопоставление «здесь» — «там» можно описать в дихотомии «беспорядок» («*беспорядок на Земле*») — «порядок» («*Бог порядка*»). Дихотомия эта касается только социума: с одной стороны, голод и болезни, войны и рост преступности; с другой, отсутствие болезней, отсутствие насилия и войн, изобилие и вечная жизнь.

Сведем описания Здесь и Там в одну таблицу:

Таблица 1.

Пространственные отношения

Здесь ([обычная] земля)	Там (райская земля)
Великолепные конструкции, начиная с животных и кончая мельчайшей живой клеткой; Изящество и гениальность самого высокого класса.	
Свыше одного миллиарда людей тяжело больны и недоедают.	Ни один из жителей не скажет: «я болен». ...откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. ...хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь. Всякий, верующий в Него будет иметь жизнь вечную. Тело его сделается свежее, нежели в молодости; он возвратится к дням юности своей.
Наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия.	Будет избавлена от людей, вредящих своим собратьям.
Церкви сотрудничали с властями христианского мира, когда эти страны завоевывали, порабощали и угнетали другие народы.	Будет избавлена от тех, кто утверждают, что ему служат, а на самом деле этого не делают; По всей Земле будет исполняться воля Бога; Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. Небесное Царство устранил все формы человеческого управления. Очищение Земли будет завершено Богом посредством наилучшего правительства, какое только может

иметь человечество. Это правительство отражает небесную мудрость, так как оно управляет с неба под надзором Бога.

Многие люди считают, что главная \emptyset цель в жизни — приобретение материального имущества.

Находящиеся рядом, в одной строке, ячейки таблицы дублируют друг друга.

- (3) «Ни один из жителей не скажет: “я болен”» (там) → «Хотя бы один из жителей может сказать: “я болен”» (здесь).
- (4) «Свыше одного миллиарда людей тяжело больны» (здесь) → «Люди здоровы» (там)⁴.

Отсутствие в таблице явно выраженного противопоставления мнению большинства, живущих здесь, о том, «*что главная цель в жизни — приобретение материального имущества*», позволяет сделать вывод, что там цель жизни видится в ином (не в приобретении материального имущества).

Поскольку объективация скрытых компонентов смысла на основе противопоставления «Здесь» и «Там» дублирует выраженное явно, обратимся к анализу тех фрагментов текста, в которых наличествуют обстоятельства места, отличные от отмеченных выше.

⁴ Рассмотрим логику этого вывода более подробно. Из того, что свыше одного миллиарда людей *тяжело больны*, не следует, что все остальные — *здоровы* (такой вывод, безусловно, возможен). Они могут быть «*нетяжело больны*». Важна сама идея наличия болезней (здесь).

Прежде всего, обращает на себя внимание противопоставление Запада и Востока: *«Сегодня в западных и восточных странах многие люди считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества»* (также: *«вопреки вере некоторых, Библия не продукт западной цивилизации, а была написана жителями Востока»*). Так как в приведенной конструкции словосочетание *«в западных и восточных странах»* выступает как синоним слова *«везде»*, кроме констатации факта противопоставления, анализ ничего здесь не дает.

3.4. Верификация

(логика вопросительных высказываний)

В предыдущих параграфах было показано, что в ходе рассуждений на обозначенную тему автор сообщает информацию, не имеющую прямого отношения к главной теме, иными словами, автор приводит читателя к выводам, не соотносящимся с темой текста. Для верификации данного вывода мы проанализировали вопросительные высказывания в рассматриваемом тексте. Ниже мы будем исходить из следующих предположений. Разница о связанности разных тем имеет культурную обусловленность, в силу чего представление о связях главной темы с иными темами может быть различным у разных людей (что, в итоге, порождает неявные конфликтогенные элементы смысла). В этом случае соотношение главной темы и субтем позволяет судить о культурных стереотипах, заложенных в тексте. С другой стороны, несвязанность темы и субтем может иметь причиной подмену вопроса. Изменение темы разговора возможно, но это более уместно при устном, не регламентированном общении. В письменной (запланированной) речи отклонение от темы возможно в том случае, когда автор раскрывает тему, явное обозначение которой в начале текста привело бы к отторжению текста читателем.

Обращает внимание, что название текста и значительной части глав имеет форму вопроса: *«В чем смысл жизни?»*; *«Имеет ли жизнь смысл?»*; *«Что они*

[ученые и религиозные деятели] *говорят?*»; «*К чему это [многообразие мнений] приводит?*»; «*Кто нам может сказать?*»; «*Возникла ли жизнь благодаря случаю?*»; «*Что говорит Библия?*»; «*Как держится Земля в пространстве?*»; «*Из чего состоит живая природа?*»; «*Зачем Бог создал людей?*»; «*Почему столько страданий и несправедливости?*»; «*Что же не вышло?*»; «*Почему же так долго?*»; «*Как скоро?*»; «*Если бы Вы могли вечно жить, выбрали бы Вы это?*».

В начале анализируемого текста задается несколько вопросов подряд: «*Состоит ли он в том, чтобы усердно работать, улучшить условия своей жизни, обеспечить семью и затем, может быть, прожив 70—80 лет, умереть и навечно отойти в небытие? Один юноша, придерживающийся такого взгляда, сказал, что единственная цель в жизни — “жить, иметь детей, быть счастливым и потом умереть”. Но так ли это? И правда ли, что все кончается со смертью?*». Эта тактика в построении текста прослеживается и далее: «*А что можно сказать об изумительно сконструированном мозге человека? А также о нашей солнечной системе, галактике Млечный Путь и вселенной? Разве у всех этих потрясающих конструкций не должен был быть Конструктор?*»; «*Но учат ли духовенство и миссионеры христианского мира истине? Показывают ли их поступки, что они настоящие представители Бога и Библии? И действительно ли в христианском мире преобладает христианство?*».

Стоит отметить и наличие вопросов в цитатах, что, на наш взгляд, должно показать, что этот вопрос тревожит значительное число людей: «*Поражает число богатых людей, настойчиво утверждающих, что они несчастливы, — говорит канадский писатель Гарри Брус и добавляет: — Опросы свидетельствуют об ужасном унынии, поразившем Северную Америку... И вообще, хоть кто-нибудь счастлив в этом мире? Если да, то в чем секрет счастья?*». Особо хотелось бы отметить наличие вопросов в цитатах: «*Другой политический руководитель высказался так: “Вот уже многие годы я непрестанно ищу истину о себе и моей жизни; я знаю, что многие делают то*

же самое. Сегодня, как никогда, много людей задает вопросы: «Кто мы?», «Каково наше предназначение?». Обрамляя таким образом вопросы «Кто мы?», «Каково наше предназначение?», автор, с одной стороны, обосновывает уместность заданных вопросов, с другой стороны, их значимость для читателя.

Тактика задавания вопросов интересна сама по себе, поскольку, подкрепленная авторитетными свидетельствами⁵, она создает видимость диалога, в котором вопросы, задаваемые автором, представляются как вопросы, которые мог бы задать читатель: «Но если Бог задумал, чтобы люди жили на небе как ангелы, почему же он тогда сразу не сотворил их такими?»; «Почему же, если намерением Всевышнего для людей было и по-прежнему есть вечная жизнь в райских условиях на Земле, почему же сейчас нет рая? Почему вместо этого человечество столько веков терпит страдания и несправедливость? Почему же жертвами всех этих бедствий стало столько ни в чем не повинных людей? Почему же, если Бог — всемогущий, на протяжении тысячелетий он допустил такое чудовищное количество страданий?»; «Почему же так долго Бог позволяет людям идти своим путем? Почему же он допускает столько столетий страдания?»; «Как же скоро придет конец этой несовершенной системе вещей и наступит новый мир Бога?»; «Происходят ли события, которые предсказали Иисус и Павел, в наше время?»; «Как же долго продлится период последних дней?». Тем не менее, важно отметить, что вопросов данного типа в тексте немного. Значительно больше «направляющих» вопросов, которые корректируют направление диалога: «А как на этот вопрос отозвались ученые и религиозные деятели? Предоставили ли они спустя столь долгие столетия исчерпывающий ответ?»; «Ввиду того что человеческие философии и религии не могут убедительно объяснить, в чем цель жизни, куда же мы можем обратиться за объяснением?»; «Кто нам может сказать, в чем истинная цель жизни?»; «Возникла ли жизнь благодаря случаю?»;

⁵ Так, вопрос «В чем смысл жизни?» поддерживается авторитетом Виктора Франкла: «Однако действительно ли так важно узнать истинную цель жизни? Психиатр Виктор Франкл на это отвечает: “Старание найти смысл жизни является главной мотивирующей силой в человеке... Я не побоюсь сказать, что в мире не существует более действенной помощи для выживания даже в самых ужасных условиях, чем знание, что твоя жизнь имеет смысл”» и ряда иных видных деятелей.

«Поэтому, видя результаты восхитительной работы Наивысшего Конструктора и Законодателя, стоит ли нам отрицать его существование только потому, что мы его не видим?»; «Но где же мы можем узнать о намерениях Бога? Где он предоставляет нам эту информацию?»; «Является ли Библия книгой этой наивысшей мудрости? Может ли она правильно ответить на вопросы о смысле жизни?» и др. Эти вопросы представляют интерес для исследователя, поскольку отражают структуру текста и дают представление о логике автора. Последнее для нас особенно важно, т. к. структура текста может значительно различаться от автора к автору.

Анализ вопросительных высказываний позволил нам выстроить следующую схему текста:

1. Люди спрашивают: «В чем же смысл жизни?» (*«Один юноша, придерживающийся такого взгляда, сказал, что единственная цель в жизни — “жить, иметь детей, быть счастливым и потом умереть”. Но так ли это? И правда ли, что все кончается со смертью?»; «Сегодня, как никогда, много людей задает вопросы: “Кто мы?”, “Каково наше предназначение?”»; «Поэтому вполне понятно, что люди спрашивают: “В чем же смысл жизни?”»).*

2. Ученые и религиозные деятели не могут ответить на этот вопрос (*«А как на этот вопрос отозвались ученые и религиозные деятели? Предоставили ли они спустя столь долгие столетия исчерпывающий ответ?»; «В этой точке зрения тоже нет надежды. И опять же, верна ли она?»; «К чему приводит такое количество точек зрения среди ученых и религиозных деятелей на вопрос о смысле жизни?»).*

3. У всех конструкций⁶ есть конструктор (*«Скажем, вы приходите к конструктору и видите его за работой над сложной частью незнакомого вам механизма, как же тогда вы можете узнать назначение этого механизма?»; «А что можно сказать об изумительно сконструированном мозге человека?»; «А также о нашей солнечной системе, галактике Млечный Путь и*

⁶ Включая идею, что организмы есть конструкции.

вселенной?»; «Разве у всех этих потрясающих конструкций не должен был быть Конструктор?»).

4. Библия — книга наивысшей мудрости («Является ли Библия книгой этой наивысшей мудрости? Может ли она правильно ответить на вопросы о смысле жизни?»; «Что же тогда можно сказать о тех, которые, несмотря на множество доказательств подлинности Священного Писания, заявляют, что они не убеждены?»).

5. Лжехристиане («Хотя существует множество доказательств подлинности и правдивости Библии, все ли, кто утверждают, что признают ее, следуют ее учениям? Но разве на деле их образ мышления и поступки отражают наивысшую мудрость Бога?»; «Но учат ли духовенство и миссионеры христианского мира истине? Показывают ли их поступки, что они настоящие представители Бога и Библии? И действительно ли в христианском мире преобладает христианство?»).

6. Причины плохих «условий» в настоящий момент («Почему же, если намерением Всевышнего для людей было и по-прежнему есть вечная жизнь в райских условиях на Земле, почему же сейчас нет рая? Почему вместо этого человечество столько веков терпит страдания и несправедливость?»; «Почему же жертвами всех этих бедствий стало столько ни в чем не повинных людей? Почему же, если Бог — всемогущий, на протяжении тысячелетий он допустил такое чудовищное количество страданий? И зачем же, сконструировав вселенную и расставив в ней все в таком порядке, он допустил беспорядок на Земле, даже ее гибель?»; «Почему же так долго Бог позволяет людям идти своим путем? Почему же он допускает столько столетий страдания?»).

7. Прогноз скорых изменений к лучшему («Как же скоро придет конец этой несовершенной системе вещей и наступит новый мир Бога?»; «Происходят ли события, которые предсказали Иисус и Павел, в наше время?»; «Как же долго продлится период последних дней?»).

8. Как заслужить ободрение Бога и перейти живым в его новый мир (*«Что же ты можешь по праву желать? Не счастливой ли жизни, интересной работы, материального изобилия, красивой окружающей среды, мира между людьми, а также избавления от несправедливости, болезней, страданий и смерти? А как насчет радостной духовной перспективы?»*); *«Не хотел бы ты вечно жить в этом новом мире — в Раю, который уже так близок?»*»; *«“А что я должен делать, чтобы перед концом этого мира заслужить ободрение Бога и перейти живым в его новый мир?” — наверное, спросишь ты»*; *«Если бы Вы могли вечно жить, выбрали бы Вы это?»*).

Как видно из схемы текста, вопрос *«В чем смысл жизни?»* не является основным. Действительно, автор не ставит перед собой цели отвечать на этот вопрос: затрагиваются темы, которые не имеют прямого отношения к вопросу о смысле жизни — неспособность ученых и религиозных деятелей ответить на вопрос, несоответствие деяний христиан христианским догматам. В связи с этим схему текста можно представить следующим образом:

1. В чем смысл жизни?

— почему так важен этот вопрос?

— кто может дать ответ? (Неспособность ученых и религиозных деятелей; Библия как книга наивысшей мудрости.)

— что говорит Библия о смысле жизни?

2. О чем еще говорит Библия? (Лжехристиане; причины плохих «условий» в настоящий момент; прогноз скорых изменений к лучшему.)

3. Как заслужить ободрение Бога и перейти живым в его новый мир.

Итак, вопрос *«В чем смысл жизни?»* есть вопрос-зацепка, который маскирует истинную интенцию автора — обосновать необходимость обращения к Свидетелям Иеговы: *«Дальнейшую помощь вы можете получить у Свидетелей Иеговы. Они будут рады посетить вас в удобное для вас время и месте. И если вы хотите, чтобы с вами на дому проводилось бесплатное изучение Библии, сообщите об этом письменно в общество Watchtower по одному из нижеприведенных адресов. Свяжитесь с нами»*.

Поскольку по ходу текста происходит подмена предмета разговора, мы можем утверждать об информационном насилии, которому подвергаются читатели: имея намерение получить ответ на вопрос о смысле жизни, они получают информацию об ухудшении «условий» жизни, о бессилии ученых и религиозных деятелей в поиске ответа, об уникальности Библии и изменениях к лучшему, которые произойдут, если будет сделан выбор («*Но вам необходимо сделать выбор в пользу вечной жизни*»). При этом предоставляемая информация носит выражено субъективный характер. Так, исходя из фрагмента «*А как на этот вопрос отозвались ученые и религиозные деятели? Предоставили ли они спустя столь долгие столетия исчерпывающий ответ?*», можно сделать вывод, что перед учеными и религиозными деятелями стоял вопрос о смысле жизни, что они были *обязаны* предоставить ответ на него.

Выводы по третьей главе

Анализ текста, выполненный с опорой на принцип восполнения неявной информации, позволил нам отметить в тексте следующее.

1. При помощи указания на неоднородность описываемого объекта (общество), задается идея избранности. Обращает на себя внимание, что идея избранности («некоторые») сопровождается в тексте указанием на многочисленность Свидетелей Иеговы (именно они выступают в роли избранных).

2. Крайне редко встречающиеся в тексте термины родства («сын», «брат» и «сестра») используются исключительно в метафорическом смысле. Тем самым имплицитно задается идея, что жизнь человека не связана с жизнью его семьи. Говоря о людях в целом, автор не только игнорирует (умалчивает) дружеские и семейные отношения, но и представляет человека как *механизм*.

3. Когда речь идет о Церкви, автор характеризует не *само* положение дел, а *утверждение* о положении дел. Или же вместо действия говорится о *попытке* совершения этого действия. Этим имплицитно задается положение о том, что в странах христианского мира христианство не исповедуется. В целом же можно

отметить явное противопоставление «ложных» христиан и «истинных» христиан. В тексте содержится скрытая информация о том, что читатель не живет в соответствии с намерением Бога.

4. В тексте присутствует явное противопоставление Библии всем прочим книгам. Если Библия есть *«Священное Писание»*, *«богудохновенное Слово Всевышнего»*, то всем прочим книгам отказывается в праве называться священными. Сопоставляя Библию с религиозными книгами иных конфессий, автор определяет последние как «древние книги», чем также принижается их значимость в глазах читателя. Обращает внимание противопоставление Библии *художественным* произведениям.

5. Ряд высказываний содержит имплицитную информацию о том, что ранее (в прошлом; до момента речи) люди были более счастливы, нежели сейчас, не искали смысл жизни в материальном имуществе, а в целом — не было ужасного уныния, наблюдающегося сейчас. Условия жизни на протяжении человеческой истории постоянно ухудшались (ср. *«рост преступности»*), вылившись в кризис в настоящем времени. Отметим, что будущего у *человеческой* истории нет; настоящее время, описываемое автором, определяется как *«последние дни»*.

6. В тексте имплицитно существует существование двух тенденций, наблюдающихся в социуме. С одной стороны, все больше людей отворачивается от веры в Бога. Однако речь в тексте идет не столько о факте отсутствия веры, сколько о *возможности* начала сомнения. Вина за это возлагается, в первую очередь, на деятелей церкви. С другой стороны, отмечается, что все больше людей пытаются выяснить, в чем смысл жизни. При этом отмечается, что все попытки найти ответ были бесплодными.

7. Анализ пространственных отношений показал также наличие в языковой картине мира автора двух четко противопоставленных миров: [обычной] земли и земли райской. Об этом позволяет судить незначительное число обстоятельств места (отличных от *«Земля»*, *«райская земля»*, *«рай»*) в тексте. В картине [обычной] Земли, нарисованной автором, два уровня. С одной

стороны, отмечается, что «вокруг себя по всей земле» мы наблюдаем «великолепные конструкции», «начиная с животных и кончая мельчайшей живой клеткой», находим «изящество и гениальность самого высокого класса». С другой стороны, «во всем мире свыше одного миллиарда людей тяжело больны и недоедают», «повсюду наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия», «Здесь постоянно одни народы завоевывают, порабощают и угнетают другие. О райской земле читаем, что на ней нет «зла, преступлений, болезней, горя и боли».

8. Для анализируемого текста характерна информационная избыточность, проявляющаяся в дублировании имплицитного эксплицитным. Дублирование проявляется как на уровне сорасположенных синтаксических единиц, так и на уровне более обширных фрагментов текста. Автор дублирует явным «сказанное неявно», предотвращая тем самым возможность иного истолкования текста. Та же цель достигается путем многократных перифраз и повторений. Кроме того, проговаривание сказанного ранее неявно позволяет автору снять ненужную интерпретацию того или иного высказывания.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил эффективность предложенного в работе принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертации проводилось исследование механизма восстановления скрытых компонентов смысла высказывания (имплицитного в речи). Под имплицитным в речи понимается та часть содержания высказывания, которая прямо не отражена «в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [Долинин 1983: 37].

Анализ существующих подходов к изучению имплицитного в речи показал чрезвычайную сложность, многогранность и многоплановость рассматриваемого явления [Нефедова 2001: 9]. Вместе с тем было установлено, что в подавляющем большинстве исследований скрытых компонентов смысла устанавливается лишь наиболее вероятный подтекст отдельного высказывания.

Среди наиболее отчетливых тенденций в изучении имплицитного в речи были отмечены:

— стремление к построению типологий частных реализаций данного явления (Н. Д. Арутюнова, Л. А. Нефедова, М. В. Никитин, Е. В. Падучева, О. С. Сыщиков и др.);

— изучение имплицитного в речи в свете обусловленности содержательной стороны высказывания ситуацией общения (Л. Витгенштейн, В. Н. Волошинов, Дж. Остин, Дж. Серль, П. Стросон и др.);

— изучение имплицитного в речи в свете стилистико-жанровой обусловленности (Е. В. Падучева, Ю. К. Пирогова, О. С. Сыщиков и др.);

— интерес к функционированию имплицитного в речи (О. С. Иссерс, И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, Ю. К. Пирогова и др.).

В рамках исследования были уточнены ключевые понятия: пресуппозиция, импликация, имплицатура, имплицитность. *Пресуппозицию* мы понимаем как предпосылку для высказывания, подразумевание существования тех объектов действительности, о которых говорится в высказывании.

Имплицатура — это компонент содержания высказывания, который не входит в собственно смысл предложения, но «вычитывается» в нем слушающим в контексте речевого акта. С понятием имплицатуры тесно связано понятие *импликации*. Последнее мы определяем как логическую операцию, которой в естественном языке соответствует связка «если..., то...». Наиболее объемным понятием является *имплицитность* — языковая категория, подразумевающая отсутствие вербализованных компонентов плана выражения, соотносимых с некоторыми компонентами плана содержания.

Отсутствие соответствия между планом выражения и планом содержания может быть вызвано как лингвистическими, так и нелингвистическими причинами, однако в большинстве случаев перенос высказывания из одной ситуации общения в другую не влияет на перлокутивный эффект. Более значимым для описания процесса понимания и роли языка в когнитивных процессах является анализ глубинной структуры высказывания.

Любое высказывание на естественном языке обязательно содержит указание того, ограничен ли описываемый фрагмент действительности во времени и пространстве. Если ограничен, то промежуток времени и область пространства проговариваются. Соответственно, содержательная сторона высказывания (смысл) не ограничивается фрагментом действительности — ассертивной ситуацией, а отражает представление говорящего о действительности в целом.

В процессе познания действительности некоторые свойства окружающих нас объектов принимаются за неотъемлемые, являющиеся обязательными для всех объектов класса. Совокупность «обычных» признаков одного объекта составляет его образ в сознании (концепт) и, как правило, не нуждается в вербализации. Вербализуются те признаки, которые не являются «обычными».

Неявная часть содержательной стороны высказывания является антонимом по отношению к явной части. Высказывания о явной и неявной ситуациях отличаются друг от друга парой компонентов, что позволяет формализовать механизм выявления скрытых компонентов смысла. Принцип

выявления скрытых компонентов смысла заключается в построении высказываний, антонимичных данному. В работе предложены двенадцать правил логического вывода, позволяющие объективировать обусловленные спецификой языковой системы неявные компоненты смысла:

1. Если верно, что говорящим вербализовано имя N , то также верно, что существует *как минимум* один объект, от которого отграничен объект, обозначенный именем N .
2. Если верно, что говорящим вербализована характеристика A объекта N , то также верно, что во множество объектов, обозначенных именем N , *как минимум* входит такой объект, который обладает признаком $-A$.
3. Если верно, что говорящим вербализована характеристика A объекта N , то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N , не обладает признаком A .
4. Если верно, что говорящим вербализован процесс V , соотносимый с объектом N , то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N , не соотносится с процессом V .
5. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m , то существует *как минимум* еще один способ совершения этого действия — $-Adv_m$, более свойственный соотносимому с действием V объекту N .
6. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m , то также верно, что большая часть объектов, противопоставленных соотносимому с действием V объекту N , совершают это действие иным(и) способом(ами) — $-Adv_m$.
7. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Всегда», то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «Всегда».
8. Если S не происходит «Никогда», то S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S не происходит «Никогда».
9. Если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас», то S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и

обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас».

10. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Везде», то S принадлежит множеству возможных миров «здесь» и множеству возможных миров «там». Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «здесь» и множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «Везде».

11. Если S не происходит «Никогда», то S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «здесь» и не принадлежит множеству возможных миров «там», то S не происходит «Нигде».

12. Если S принадлежит множеству возможных миров «здесь», то S не принадлежит множеству возможных миров «там». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «здесь».

Несомненно, данное диссертационное исследование не исчерпывает всей глубины поставленной проблемы. Расширение предложенной модели возможно, на наш взгляд, на примере вопросительных и императивных, осложненных и сложных высказываний.

Список использованной литературы

1. **Адмони, В. Г.** Система форм речевого высказывания [Текст] / В. Г. Адмони. — СПб. : Наука, 1994. — 154, [2] с.
2. **Адмони, В. Г.** Структура грамматического значения и его статус в системе языка [Текст] / В. Г. Адмони // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / Отв. ред. В. Г. Адмони. — Л. : Наука, 1979. — С. 6-36.
3. **Айдукевич, К.** К вопросу об «универсалиях» [Электронный ресурс] / К. Айдукевич // Логос. — 2000. — № 1. — Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_13.html. — [Опубл. 12 июня 2005 г.; дата обращения 29 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
4. **Ажеж, К.** Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки [Текст] / К. Ажеж. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
5. **Алпатов, В. М.** О двух подходах к выделению основных единиц языка [Текст] / В. М. Алпатов // Вопр. языкознания. — 1982. — № 6. — С. 66-73.
6. **Арнольд, И. В.** Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения [Текст] / И. В. Арнольд // Вопр. языкознания. — 1982. — № 4. — С. 83-91.
7. **Арутюнова, Н. Д.** О номинативной и коммуникативной моделях предложения [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. — Сер. лит. и яз. — 1972. — Т. XXXI. — Вып. 1. — С. 41-49.
8. **Арутюнова, Н. Д.** Понятие пресуппозиции в лингвистике [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. — Сер. лит. и яз. — 1973. — Т. XXXII. — Вып. 1. — С. 84-89.
9. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1976. — 383 с.

10. **Арутюнова, Н. Д.** Речь [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 414-416.
11. **Багдасарян, В. Х.** Проблема имплицитного (логико-методологический анализ) [Текст] / В. Х. Багдасарян — Ереван : [б. и.], 1983.
12. **Барт, Р.** Лингвистика текста [Текст] / Р. Барт // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 168-175.
13. **Бахтин, М. М.** Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Собр. соч. в 7-и т. — М. : Русские словари, 1996. — Т. 5 : Работы 1940-1960 гг. — С. 159-206.
14. **Бахтин, М. М.** Проблема текста [Заметки 1959-1961 гг.] [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986. — С. 297-325.
15. **Беллерт, М.** Об одном условии связности текста [Текст] / М. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 8 : Лингвистика текста. — М. : Прогресс, 1978. — С. 172-206.
16. **Бенвенист, Э.** Категории мысли и категории языка [Текст] / Э. Бенвенист // Бенвенист, Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — С. 104-114.
17. **Блакар, Р. М.** Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования) [Текст] / Р. М. Блакар // Морозов, А. В. Психология влияния. — СПб. : Питер, 2000. — С. 42-67.
18. **Богин, Г. И.** Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Текст] / Г. И. Богин. — Тверь : [б. и.], 2001. — 731 с.
19. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2003. — 1536 с.

20. **Бондарко, А. В.** Основания функциональной грамматики [Текст] / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1987. — С. 5-39.
21. **Борисова, Е. Г.** Имплицитная информация в лексике [Текст] / Е. Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 30-42.
22. **Борисова, Е. Г.** Имплицитная информация в рекламе и пропаганде [Текст] / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова, В. Э. Левит // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₂. — С. 145-151.
23. **Борисова, Е. Г.** Имплицитная информация на морфологическом уровне [Текст] / Е. Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₃. — С. 15-29.
24. **Борисова, Е. Г.** Средства экспликации связи предложений (бессоюзные предложения, частицы, союзы) [Текст] / Е. Г. Борисова // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₄. — С. 76-80.
25. **Брагина, Н. Г.** Имплицитная информация и стереотипы дискурса [Текст] / Н. Г. Брагина // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 43-57.
26. **Бюлер, К.** Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. — М. : Прогресс, 2001. — 528 с.
27. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. — 233 с.
28. **Вимер, Б.** Пресуппозиции и импликатуры в толкованиях предельных событий и соотносимых с ними процессов [Текст] / Б. Вимер // Научно-

- техническая информация. — Сер. 2. — Информ. процессы и системы. — 2000. — № 1. — С. 31-43.
29. **Виноград, Т.** К процессуальному пониманию семантики [Текст] / Т. Виноград // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 42-89.
30. **Виноградов, В. В.** О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка [Текст] / В. В. Виноградов // Мысли о современном русском языке. Сб. статей под ред. акад. В. В. Виноградова. Сост. А. Н. Кожин. — М. : Просвещение, 1969. — С. 5-23.
31. **Волошинов, В. Н.** Конструкция высказывания [Текст] / В. Н. Волошинов // Литературная учеба. — 1930. — № 3. — С. 65-87.
32. **Выготский, Л. С.** Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский // Выготский, Л. С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. — М. : Лабиринт, 2001. — С. 3-342.
33. **Гайденок, П. П.** Информация и знание [Текст] / П. П. Гайденок // Философия науки. — М. : Ин-т философии РАН, 1997. — Вып. 3 : Проблемы анализа знания / Отв. ред. М. А. Розов. — С. 185-192.
34. **Гак, В. Г.** Высказывание и ситуация [Текст] / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972 / Отв. ред. С. К. Шаумян. — М. : Наука, 1973. — С. 349-372.
35. **Гак, В. Г.** Сопоставительные исследования и переводческий анализ [Текст] / В. Г. Гак // Тетради переводчика. — Вып. 16. — М. : [б. и.], 1979. — С. 11-21.
36. **Гак, В. Г.** Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.
37. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 144 с.
38. **Гвоздева, А. А.** Языковая концептуализация категории пространства [Текст] / А. А. Гвоздева // Русская и сопоставительная филология:

- состояние и перспективы : Труды и материалы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 263.
39. **Горелов, И. Н.** Авербальные следы в тексте [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003. — С. 123-145.
40. **Горелов, И. Н.** Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₂. — С. 205-219.
41. **Горелов, И. Н.** Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₃. — С. 252-262.
42. **Горелов, И. Н.** Проблема общения: процессы и средства [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₄. — С. 263-285.
43. **Горелов, И. Н.** Проблема функционального базиса речи в онтогенезе [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₅. — С. 15-104.
44. **Горелов, И. Н.** Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₆. — С. 146-181.
45. **Горелов, И. Н.** Социопсихолингвистика и проблемы управления обществом [Текст] / И. Н. Горелов // Горелов, И. Н. Избранные труды по психолингвистике. — М. : Лабиринт, 2003₇. — С. 193-204.
46. **Грайс, Г. В.** Логика и речевое общение [Текст] / Г. В. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. — М. : Прогресс, 1985. — С. 217-237.

47. **Грачев, Г. В.** Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Текст] / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. — М. : Ин-т философии РАН, 1999. — 235 с.
48. **Греймас, А.-Ж.** Структурная семантика: Поиск метода [Текст] / А.-Ж. Греймас. — М. : Академический Проект, 2004. — 368 с.
49. **Гридина, Т. А.** Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания [Текст] / Т. А. Гридина, В. С. Третьякова // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвуз. сб. науч. трудов. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. — С 55-65.
50. **Гринцер, Н. П.** Языковое учение Платона в контексте идей Витгенштейна [Текст] / Н. П. Гринцер // Вопр. философии. — 1998. — № 5. — С. 98-106.
51. **Гумбольдт, В. фон** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 2001. — С. 35-298.
52. **Гумбольдт, В. фон** О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 2001₂. — С. 307-323.
53. **Данеш, Фр.** Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе [Текст] / Фр. Данеш, Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок : Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967. — С. 325-337.
54. **Даниленко, В. П.** О становлении грамматической науки в Китае [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко. — Режим доступа : http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=414. — [Опубл. 1 августа 2003 г.; дата обращения 1 августа 2005 г.]. — Загл. с экрана.

55. **Дейк, Т. ван** Вопросы прагматики текста [Текст] / Т. ван Дейк // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 90-167.
56. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация и ее жанры [Текст] / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — 248 с.
57. **Дементьев, В. В.** Основы теории непрямого общения [Текст] / В. В. Дементьев : Дис... д-р филол. наук. — Саратов, 2001. — 425 с.
58. **Дементьев, В. В.** О типологизации неязыковых коммуникативных смыслов [Текст] / В. В. Дементьев // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Изд-во Пермск. ун-та, 2002. — Вып. 5. — С. 31-62.
59. **Демьянков, В. З.** Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. — М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 239-320.
60. **Демьянков, В. З.** Коммуникативное воздействие на структуру сознания [Текст] / В. З. Демьянков // Роль языка в структурировании сознания. — М. : Ин-т философии АН СССР. — 1984. — Ч. 1. — С. 138-161.
61. **Демьянков, В. З.** «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: Обзор направлений [Текст] / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17 : Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 223-235.
62. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания [Текст] / Под ред. К. Л. Киселевой и Д. Пайара. — М. : Метатекст, 1998. — 447 с.
63. **Дмитриева, В. С.** К проблеме изучения лексико-семантических связей слов в истории отечественного языкознания [Текст] / В. С. Дмитриева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : Междунар. науч. конф. : Труды и материалы : В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. — Т. 2. — С. 11-12.

64. **Долинин, К. А.** Имплицитное содержание высказывания [Текст] / К. А. Долинин // Вопр. языкознания. — 1983. — № 6. — С. 37-47.
65. **Долинин, К. А.** Интерпретация текста [Текст] / К. А. Долинин. — М. : Просвещение, 1985. — 288 с.
66. **Домбровский, Б.** Каким временем мы пользуемся? (Этическая концепция времени) [Электронный ресурс] / Б. Домбровский // Логос. — 2000. — № 2. — Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/07.html. — [Опубл. 12 июня 2005 г.; дата обращения 29 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
67. **Жарина, О. А.** Предложения с имPLICITными пропозициями на основе пресуппозиции (на материале русских и английских художественных текстов) [Текст] / О. А. Жарина // Актуальные проблемы современной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 2005. — С. 90-92.
68. **Жинкин, Н. И.** Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. — М. : Наука, 1982. — 157 с.
69. **Зализняк, А. А.** Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге : постановка проблемы [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2004. — М. : Наука, 2004. — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Zalizniak Anna.htm>. — [Опубл. 21 июня 2004 г.; дата обращения 26 июля 2005 г.]. — Загл. с экрана.
70. **Звегинцев, В. А.** Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 307 с.
71. **Зиновьева, М. Д.** «Русскость» как имPLICITная информация в лексике и фразеологии [Текст] / М. Д. Зиновьева // ИмPLICITность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 124-133.

72. **Зиновьева, М. Д.** Имплицитная информация и преподавание неродного языка [Текст] / М. Д. Зиновьева, Е. Г. Борисова, Л. В. Фролкина // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₂. — С. 134-144.
73. **Золотова, Г. А.** Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. — М. : Ред.-изд. отдел филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. — 528 с.
74. **Иссерс, О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 284 с.
75. **Кара-Мурза, С. Г.** Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 832 с.
76. **Карцевский, С. О.** Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С. О. Карцевский // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. — М. : Просвещение, 1965. — Ч. 2. — С. 85-93.
77. **Кацитадзе, И. М.** К вопросу о способах выражения значения неопределенности в русских предложениях [Текст] / И. М. Кацитадзе // Актуальные проблемы современной лингвистики : Материалы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 2005. — С. 101-103.
78. **Кацнельсон, С. Д.** О грамматической семантике [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание. — Л. : Наука, 1986. — С. 145-152.
79. **Кибрик, А. Е.** Язык [Текст] / А. Е. Кибрик // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 604-606.
80. **Киселев, А. П.** Непрямая коммуникация и передача духовных традиций [Текст] / А. П. Киселев, Н. Л. Мухелишвили // Системные исследования.

- Методологические проблемы-2001 / Под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского. — Вып. 30. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — С. 29-44.
81. **Киселев, А. П.** Непрямая коммуникация: системный подход [Текст] / А. П. Киселев, Н. Л. Мухелишвили // Системные исследования. Методологические проблемы-1999 / Под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского. — Вып. 28. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 70-85.
82. **Кобозева, И. М.** Грамматика описания пространства [Текст] / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространства. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 152-162.
83. **Кобозева, И. М.** Две ипостаси содержания речи: «значение» и «смысл» [Текст] / И. М. Кобозева // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. — М. : [б. и.], 2000₂. — С. 303-362.
84. **Кобозева, И. М.** Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания [Текст] / И. М. Кобозева : Научный доклад ... на соискание ученой степени доктора филол. наук : 10.02.19. — М., 2003. — 90 с.
85. **Кобозева, И. М.** Интерпретирующие речевые акты [Текст] / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М. : Наука, 1994. — С. 63-71.
86. **Кобозева, И. М.** Об одном способе косвенного информирования [Текст] / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Известия АН СССР. — Сер. лит. и яз. — 1988. — № 5. — С. 462-470.
87. **Колосова, Т. А.** Русские предложения асимметричной структуры [Текст] / Т. А. Колосова. — Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. — 164 с.
88. **Кравец, А. С.** Структура смысла: от слова к предложению [Текст] / А. С. Кравец // Вестник Воронежск. гос. ун-та. — Сер. 1 : Гуманитарные науки. — 2001. — № 1. — С. 60-83.
89. **Кравец, А. С.** Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra [Текст] / А. С. Кравец // Логос. — 2005. — № 4. — С. 227-258.

90. **Кравченко, А. В.** Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А. В. Кравченко. — Иркутск : Иркутск. обл. типография № 1, 2001. — 261 с.
91. **Кравченко, А. В.** Четыре тезиса к новой философии языка [Текст] / А. В. Кравченко // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : Тез. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Е. Н. Азначеевой. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001₂. — С. 5-6.
92. **Кравченко, А. В.** Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. — 206 с.
93. **Кравченко, А. В.** Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) [Текст] / А. В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация : Под ред. В. В. Дементьева. — Саратов : Колледж, 2003. — С. 27-39.
94. **Курдюмов, В. А.** О многомерной динамической модели языка: краткое изложение основ общей теории предикации [Текст] / В. А. Курдюмов // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — Информ. процессы и системы. — 1998. — № 2. — С. 10-11.
95. **Курдюмов, В. А.** Предикация и природа коммуникации [Текст] / В. А. Курдюмов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19. — М., 1999. — 39 с.
96. **Курдюмов, В. А.** Структура и «истинность» высказывания [Текст] / В. А. Курдюмов // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — Информ. процессы и системы. — 1997. — № 9. — С. 28-30.
97. **Кустова, Г. И.** Импликативный потенциал значения и семантическая производность [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова. — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/Archive/Directions/Implicative.htm>. — [Опубл. 20 марта 2002 г.; дата обращения 14 марта 2003 г.]. — Загл. с экрана.

98. **Лебедева, Н. Б.** Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) [Текст] / Н. Б. Лебедева. — Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1999. — 262 с.
99. **Леонтьев, А. А.** Языкознание и психология [Текст] / А. А. Леонтьев. — М. : Наука, 1966. — 79 с.
100. **Лисоченко, Л. В.** Высказывания с имплицитной семантикой (Логический, языковой и прагматический аспекты) [Текст] / Л. В. Лисоченко. — Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовск. ун-та, 1992. — 160 с.
101. **Лотман, Ю. М.** Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство-СПб, 2000. — С. 12-148.
102. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
103. **Мартемьянов, Ю. С.** Афоризм: проблема построения имплицитного текста [Текст] / Ю. С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 115-123.
104. **Мартемьянов, Ю. С.** Метаязык предложения-высказывания: от эксплицитной глубины к имплицитной поверхности [Текст] / Ю. С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₂. — С. 58-75.
105. **Мартемьянов, Ю. С.** Перевод предложения: от синтаксиса имплицитного к эксплицитному и обратно [Текст] / Ю. С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₃. — С. 152-162.
106. **Марти, А.** Об отношении грамматики и логики [Текст] / А. Марти // Логос. — 2004. — № 1. — С. 138-168.
107. **Мартине, А.** Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.

108. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
109. **Матезиус, В.** О системном грамматическом анализе [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967. — С. 226-238.
110. **Матезиус, В.** О так называемом актуальном членении предложения [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967₂. — С. 239-245.
111. **Матезиус, В.** Попытка создания теории структурной грамматики [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967₃. — С. 196-209.
112. **Муханов, И. Л.** ИмPLICITные смыслы как составная часть семантико-прагматического потенциала высказывания [Текст] / И. Л. Муханов // ИмPLICITность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 81-87.
113. **Муханов, И. Л.** О текстообразующей функции имPLICITных смыслов высказывания (диалог) [Текст] / И. Л. Муханов // ИмPLICITность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999₂. — С. 88-94.
114. **Мыркин, В. Я.** Текст, подтекст, контекст [Текст] / В. Я. Мыркин // Вопр. языкознания. — 1976. — № 2. — С. 86-93.
115. **Найссер, У.** Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии [Текст] / У. Найссер. — М. : Прогресс, 1981. — 230 с.
116. **Невідомська, Л.** Про особливості висвітлення проблем мовної імPLICITності з логічного погляду [Текст] / Л. Невідомська // Вісник Львів. ун-ту. — Серія філол. — 2003. — Вип. 30. — С. 3-10.

117. **Нефедова, Л. А.** Проблема соотношения эксплицитного и имплицитного в языке [Текст] / Л. А. Нефедова // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания : Сб. научн. трудов. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. — С. 127-131.
118. **Нефедова, Л. А.** Когнитивно-деятельностный аспект имплицитной коммуникации [Текст] / Л. А. Нефедова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. — 151 с.
119. **Нефедова, Л. А.** Фреймовое представление имплицитной информации [Текст] / Л. А. Нефедова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : Тез. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Е. Н. Азначеевой. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001₂. — С. 56-57.
120. **Никитин, М. В.** Основы лингвистической теории значения [Текст] / М. В. Никитин : Учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 1988. — 168 с.
121. **Николова, А.** Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание а) [Текст] / А. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. — Шумен: Епископ Константин Преславски, 2002. — С. 59-90; б) [Электронный ресурс] / А. Николова. — Режим доступа : <http://www.russian.slavica.org/article113.html>. — [Опубл. 23 июля 2003 г.; дата обращения 13 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
122. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка [Текст] / Под ред. Б. А. Серебренникова. — М. : Наука, 1970. — 597 с.
123. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы [Текст] / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. ; Под ред. В. В. Морковкина. — М. : Астрель : АСТ, 2002. — 432 с.

124. **Падучева, Е. В.** Пресуппозиция [Текст] / Е. В. Падучева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 396.
125. **Падучева, Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е. В. Падучева. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
126. **Пирогова, Ю. К.** Имплицитная информация в рекламном сообщении [Текст] / Ю. К. Пирогова // Реклама и жизнь. — 1999. — № 9. — С. 11-16.
127. **Пирогова, Ю. К.** Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) [Текст] / Ю. К. Пирогова // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики-2001 / Отв. ред. А. И. Новиков. — М. : Азбуковник, 2001. — С. 209-227.
128. **Пирогова, Ю. К.** К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе а) [Текст] / Ю. К. Пирогова // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. — Т. 1 : Теоретические проблемы. — Протвино. : [б. и.], 2000; б) [Электронный ресурс] / Ю. К. Пирогова. — Режим доступа : www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue2000-1/249.htm. — [Опубл. 24 января 2002 г.; дата обращения 8 июля 2002 г.]. — Загл. с экрана.
129. **Плохинова, А. С.** Языковые манипуляции [Текст] / А. С. Плохинова, И. П. Лапинская // Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 2. — Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. техн. ун-та, 2002. — С. 178-181.
130. **Потебня, А. А.** Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня // Потебня, А. А. Слово и миф. — М. : Правда, 1989. — С. 17-200.
131. **Потебня, А. А.** Психология поэтического и прозаического мышления [Текст] / А. А. Потебня // Потебня, А. А. Слово и миф. — М. : Правда, 1989₂. — С. 201-235.
132. **Прайор, А. Н.** Предтечи временной логики [Электронный ресурс] / А. Н. Прайор / Логос. — 2000. — № 2. — Режим доступа :

- http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/08.html. — [Опубл. 12 июня 2006 г.; дата обращения 29 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
133. **Расторгуева, Л. В.** Реальный отзыв и коммуникативное взаимодействие (на материале политического дискурса) [Электронный ресурс] / Л. В. Расторгуева, В. Б. Кашкин // Языковая структура и социальная среда : Межвуз. сб. научн. трудов студентов / Отв. ред. В. Б. Кашкин; Воронежск. гос. техн. ун-т. — Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. техн. ун-та, 2000. — Режим доступа : <http://tp11999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>. — [Опубл. 23 августа 2002 г.; дата обращения 13 июля 2003 г.]. — Загл. с экрана.
134. **Руднев, В.** Модальность и сюжет [Электронный ресурс] / В. Руднев // Возможные миры и виртуальная реальность. — № 1. — Режим доступа : <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=246>. — [Опубл. н/д; дата обращения 13 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
135. **Руднев, В.** Морфология реальности [Электронный ресурс] / В. Руднев // Митин журнал. — 1994. — Вып. 51. — Режим доступа : <http://www.vavilon.ru/metatext/mj51/rudnev.html>. — [Опубл. н/д; дата обращения 13 ноября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
136. Русская грамматика [Текст] : в 2 т. — М. : Наука, 1980.
137. **Седов, К. Ф.** Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации [Текст] / К. Ф. Седов // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 89-105.
138. **Секретарева, Е. В.** Речевое внушение и речевая манипуляция: к постановке проблемы [Текст] / Е. В. Секретарева // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 266-269.
139. **Серль, Дж. Р.** Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17 : Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 151-169.

140. **Сильман, Т. И.** Подтекст как лингвистическое явление [Текст] / Т. И. Сильман // Науч. докл. высш. шк. — Филол. науки. — 1969. — № 1. — С. 84-90.
141. **Скаличка, В.** Асимметричный дуализм языковых единиц [Текст] / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок : Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967. — С. 119-127.
142. **Склярова, Н. Г.** Имплицитная альтернативность в высказываниях с единицами предположительной семантики [Текст] / Н. Г. Склярова // Актуальные проблемы современной лингвистики : Материалы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 2005. — С. 178-182.
143. Словарь синонимов русского языка [Текст] / Ин-т лингв. исслед. РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Астрель : АСТ, 2004. — 648, [8] с.
144. Словарь философских терминов [Текст] / Под науч. ред. В. Г. Кузнецова. — М. : ИНФРА-М, 2005. — XVI, 731 с.
145. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса [Текст] / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. — СПб. : Алетейя, 2000. — 316 с.
146. **Слюсарева, Н. А.** Функции языка [Текст] / Н. А. Слюсарева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 564-565.
147. **Соловьева, Е.** Передача прямых и косвенных смыслов посредством усеченности [Электронный ресурс] / Е. Соловьева // Ростовская электронная газета. — 2001. — № 12 (66). — Режим доступа : <http://www.relga.rsu.ru/n66/rus66.htm>. — [Опубл. 25 июня 2001 г.; дата обращения 11 октября 2005 г.]. — Загл. с экрана.
148. **Соссюр, Ф. де** Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

149. **Степанов, Ю. С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю. С. Степанов / Ин-т языкознания АН СССР. — М. : Наука, 1985. — 335 с.
150. **Сусов, И. П.** Языковое общение и лингвистика [Текст] / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. — Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1985. — С. 3-12.
151. **Сыщиков, О. С.** Имплицитность в деловом дискурсе а) [Текст] / О. С. Сыщиков : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000. — 23 с.; б) [Электронный ресурс] / О. С. Сыщиков. — Режим доступа : <http://www.vspu.ru/~axiology/libr/akd/autoref22.htm>. — [Опубл. 11 апреля 2002 г.; дата обращения 10 марта 2003 г.]. — Загл. с экрана.
152. **Тарасов, Е. Ф.** К построению теории речевой коммуникации [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф., Шахнарович, А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М. : Наука, 1979. — С. 5-147.
153. Тезисы Пражского лингвистического кружка [Текст] [/ Р. О. Якобсон, С. О. Карцевский, Н. С. Трубецкой] // Пражский лингвистический кружок : Сб. статей / Сост., ред. и авт. предисл. Н. А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967. — С. 17-41.
154. **Тишков, В. А.** Теория и практика насилия [Текст] / В. А. Тишков // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров и В. А. Тишков. — СПб. : Наука, 2001. — С. 7-38.
155. **Тодоров, Ц.** Грамматика повествовательного текста [Текст] / Ц. Тодоров // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 176-189.
156. **Троцкий, И.** Проблемы языка в античной науке [Текст] / И. Троцкий // Античные теории языка и стиля (антология текстов). — СПб. : Алетейя, 1996. — С. 9-32.
157. **Турбина, О. А.** Проблемы изучения синтаксической имплицитности [Текст] / О. А. Турбина // Слово, высказывание, текст в когнитивном,

- прагматическом и культурологическом аспектах : Тез. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Е. Н. Азначеевой. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. — С. 170-172.
158. **Уфимцева, А. А.** Знак языковой [Текст] / А. А. Уфимцева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 167.
159. **Финдли, Дж. Н.** Время: рассмотрение некоторых головоломок [Текст] / Дж. Н. Финдли // Логос. — 2004. — № 5. — С. 59-72.
160. **Фролкина, Л. В.** Речевые традиции и этикет [Текст] / Л. В. Фролкина // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 108-114.
161. **Хамзина, Г. К.** Соотношение имплицитных и эксплицитных компонентов семантики высказывания-номинатива [Электронный ресурс] / Г. К. Хамзина // Русская и сопоставительная филологич. Системно-функциональный аспект : Материалы науч. конф. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. — Режим доступа : <http://www.ksu.ru/fil/kn7/index.php?sod=36>. — [Опубл. н/д; дата обращения 15 февраля 2006 г.]. — Загл. с экрана.
162. **Чейф, У.** Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Чейф // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — С. 3-41.
163. **Шаляпина, З. М.** Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (на опыте формализованного лингвистического описания) [Текст] / З. М. Шаляпина // Вопр. языкознания. — 1991. — № 5. — С. 42-54.
164. **Шаронов, И. А.** Имплицитная информация и типы речевых актов (речевой акт *признание*) [Текст] / И. А. Шаронов // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 95-107.

165. **Шатуновский, И. Б.** 6 способов косвенного выражения смысла [Текст] / И. Б. Шатуновский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции Диалог'2004. — М. : Наука, 2004. — С. 666-670.
166. **Щерба, Л. В.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — М. : Наука, 1974. — С. 24-39.
167. **Allott, R. M.** The Origin of Language [Electronic resource] / R. M. Allott. — Available : <http://members.aol.com/rmallott2/origin.htm>. — [Date of release n/a; date of access 18 October 2005]. — Title from the screen.
168. **Antović, M.** The Position of Semantics within Contemporary Cognitive Science [Text] / M. Antović. — In : Facta Universitatis. — Series : Linguistics and Literature. — Vol. 2. — № 10. — 2003. — P. 415-424.
169. **Ducrot, O.** Présupposés et sous-entendus [Text] / Ducrot, O. // Langue française. — 1969. — № 4. — P. 30-43.
170. **Ducrot, O.** Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique [Text] / O. Ducrot. — Paris : Hermann, coll. Savoir, 1972. — 311 p.
171. **Fillmore, Ch. J.** Types of Lexical Information [Text] / Charles J. Fillmore // Steinberg, D. D., Jakobovits, L. A. (eds.) Semantics : An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. — Cambridge : Cambridge University Press, 1971. — P. 370-392.
172. **Hartmann, R. R. K.** Dictionary of Language and Linguistics [Text] / R. R. K. Hartmann, F. C. Stork. — London : Applied Science, 1972. — 302 p.
173. **Li, Ch. N.** Subject and Topic : A New Typology of Language [Text] / Ch. N. Li, S. A. Thompson // Charles N. Li (ed.). Subject and Topic. — London/New York : Academic Press, 1976. — P. 457-489.
174. **Shaumyan, S.** Two Paradigms of Linguistics: The Semiotic Versus Non-Semiotic Paradigm [Electronic resource] / S. Shaumyan // Web Journal of Formal, Computational & Cognitive Linguistics. — 1998. — Sept. 19. — 78 p. — Available : <http://fccl.ksu.ru/issue001/spring.98/shaum003.pdf>. —

[Date of release 19 September 1998; date of access 19 August 2005]. — Title from the screen.

175. **Sypniewski, B. P.** An Introduction to Applicative Universal Grammar [Electronic resource] / B. P. Sypniewski. — 64 p. — Available : <http://elvis.rowan.edu/~bps/ling/introAUG.pdf>. — [Date of release (31 January) 2000; date of access 24 August 2005]. — Title from the screen.
176. **Todorov, T.** Symbolism and interpretation [Text] / T. Todorov. — Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1982, — 175 p.

Список сокращений

Бальз. — О. де Бальзак	Сэл. — Дж. Сэлинджер
Булг. — М. А. Булгаков	Усп. — М. Успенский
Бун. — И. А. Бунин	Фейхтв. — Л. Фейхтвангер
Довл. — С. Довлатов	Фурм. — Д. Фурманов
Есен. — С. Есенин	Чак. — А. Чаковский
Ильф и Петр. — И. Ильф и Е.	Чех. — А. П. Чехов
Петров	Шмел. — И. С. Шмелев
Ион. — Э. Ионеско	Шол. — М. Шолохов
Иск. — Ф. Искандер	Шукш. — В. М. Шукшин
К.-Дойл — А. Конан Дойл	
Конр. — Дж. Конрад	газ. — газета (<i>вкл. эл. издания</i>)
Лоур. — Д. Г. Лоуренс	журн. — журнал
Мелв. — Г. Мелвилл	рекл. — реклама
Мерд. — А. Мердок	тв. — телевидение
Паст. — Б. Пастернак	фольк. — фольклор
Пушк. — А. С. Пушкин	
Серв. — С. М. де Сервантес	б. и. — без источника

Условные обозначения

Для обозначения мыслительных операций мы используем следующие элементы математической логики и теории множеств: символ \wedge обозначает конъюнкцию, \vee — дизъюнкцию, \Rightarrow — импликацию, \neg — отрицание, \in — принадлежность.